

* * *

А. А. житель села Чвриниси Карельского муниципалитета, 80 лет

Я сейчас проживаю в деревне и занимаюсь семейными делами. Есть у меня корова, две курицы. Выращиваю виноград, есть вино... Мне уже восемь десятков. Здесь родился, здесь вырос. Трудиться начал в 59-ом году. Где только не приходилось работать: в Карели, Ахалцихе, затем в Знаури. Долше всех работал в Знаури, почти 32 года.

В то время, когда всё это начиналось, работал в Знаури. Не нравилось мне всё это. Отдельно шептались грузины, отдельно осетины. Что я мог, мало кто считался с моими словами, но всё равно говорил, всем говорил, чтобы не делали этого. Плохо всё это закончится и для вас, и для нас. Но кто меня слушал? Эту охваченную бунтом страну мог успокоить разве что только Сталин. Но в конце концов всё-таки всё перемешалось. У меня даже произошёл неприятный разговор с грузинами, менее острый – с осетинами. Был тогда один судья Како, у них была своя группировка. В то время работал я в «ЭНТЕЭС». И когда они говорили, я им сказал: «Остановитесь, хоть ты остановись, ведь ты судья. Не делайте этого дела, не осложняйте, не мутите воду, плохо всё это закончится, перегорят люди, пропадут». Так меня стали обвинять в сталинизме. Я сказал, что я-то сталинист, а вот ты кто. Я не боюсь ни судьи, ни прокурора. Но кто бы меня послушался? Всё равно всё смешали и перемешали, и всё произошло именно так, как я и предсказывал: и сожгли, и выгнали. И сейчас полно беженцев. В Тбилиси уже столько скопилось людей, что скоро он провалится в преисподнюю. А здесь вообще не осталось людей, опустели деревни... Был пойман четыре раза... Дошёл до Цхинвали и Джава. Всё разрушено и развалено, особенно грузинские деревни – Кехви, Ачабети. Даже уже не видно, что здесь когда-то кто-то жил. Ничего не осталось, кто всё это восстановит и когда? Не знаю. Вот это и есть результат 90-х годов. Стёртые с лица земли деревни. А сколько людей погибло? Многие умерли от горя и страданий. И Бог знает, сколько ещё умрёт от горя. А спасителя нет.

В 90-х я ушёл из деревни, оставил дом. Всё думал, что это временно, скоро помирятся. Потерял работу. Я тогда был на складе в Знаури. Затем открыли и этот склад, разграбили, всё унесли – и моё, и государственное. Удалось спасти немного своего имущества, отдал на хранение другу. Перешёл оттуда и поселился в этой деревне. И с тех пор живу здесь, никуда отсюда уже не уходил. А затем пришли неформалы, Адамия (Важа Адамия – председатель организации «Мераба Костава» в 90-е годы) пришёл со своей выведенной из строя пушкой. Пошли, ходили, ходили. Мы их

здесь не задержали. Если бы мы оставили их здесь, то оттуда бы и в нас стреляли. Пошли они в Калети (*до конфликта эта была грузино-осетинская деревня, которая была по соседству с Чвриниси*). Там остановились. Через пять дней пришли русские с русским оружием, может быть среди них были и осетины. Когда они слышали звук русского оружия, то бежали. У них был самолёт, оставили этот самолёт там. И сожгли и самолёт, и пушку. А после время от времени приходили и воровали. Если кто-нибудь переходил на ту сторону, то что-нибудь оттуда выносил. Те деревни опустели. Так или иначе ничего хорошего не произошло. Воровали все – и те, и наши. Кто как успевал. Здешние тоже воровали. Все воровали, кроме меня. Я ничего ихнего не хотел и был для себя, лишь бы моего не забирали. Что было там, то отняли, а отсюда никому ничего не отдал.

Наши вошли однажды в 90-е, мы называли то место «Сери Балта». Одна семья жила прямо на краю деревни и сожгли этот дом. И так оказалось, что как раз эти люди были у меня в доме. Пришёл их начальник, он был из Знаури. И он разговаривал со своими ребятами о том, что мол это они сожгли этот дом. Я как только узнал, поругался с ними. Я сказал: «Ведь из-за вас весь Калети сожгли». Я сразу прогнал их из моего дома. Затем пришли уже те и всех имеретинцев... В Калети жили половина имеретинцы, половина осетины. И вот этих имеретинцев всех сожгли. И всё это произошло из-за этого одного дома... А в Чвриниси к нам никто не приходил. Ни осетины, ни русские, ни татары, никто.

В 2008 году в августе тоже был здесь. Жена у меня тогда болела, сидела в коляске. Именно в нашу сторону не пошли ни русские, ни осетины. Осетины пришли в Атоци (соседняя грузинская деревня), сожгли один дом. Когда проходили, все были в масках. Но я опознал одного, сына моего друга. Он спросил, узнал ли я его. Я рассмеялся, человек пять нас было пожилых. Я сказал ему, что, правда, он в маске, но по разговору я узнал тебя. Ты сын моего друга. И он ответил, что в Чвриниси они не собираются ничего разрушать. «...Вы не воровали, не жгли. Сейчас мы идём в Кода». Там их обидели. А мы спаслись. Была у нас одна разрушенная школа, так ту сожгли. Один день я пас скотину. Узнал, что вошли русские. Не поверил, но всё-таки пошёл. Жена в коляске была на балконе, так что я должен был вернуться к полудню, чтоб покормить её. Действительно, когда пришёл, узнал, что были у меня. Унесли кое-какие вещи. Спросил жену в какую сторону они пошли. Она указала. Пошёл в ту сторону, догнал. Они были в масках. Я потом догадался, что это были осетины. Они сами меня узнали и сказали, что мои вещи у них в мешке и что я могу их забрать. Оказалось, что они взяли мою пилу «Дружба». Тогда её не так-то просто было достать. Ещё взяли дрель, всё что было в мастерской. И всё

забрал назад . Потом-то я догадался, кто они были, да что поделаешь... ну, вернули мои вещи. А больше ничего такого и не происходило. Русские до нас не дошли, осетины оставили в покое. До сегодняшнего дня так и живём. А что будет дальше...

Сейчас на ту сторону без причины не переходим. Знаем, что поймут. Иногда скотина переходит и не возвращается. Кроме меня никто не переходит. А ведь если потеряем скотину, что же нам делать. Поэтому перехожу. Там был один Али, лезгинец из Махачкалы, так он много раз ловил меня со скотиной и отпускал. Наверное, раз пять. Ловили и отпускали. Раньше поймали, заплатил 1500 рублей и отпустили. Вечером забрали, а утром отпустили. Затем опять поймали. Они задержали одну девушку из нашей деревни. Пришли ко мне люди и сказали, чтоб я помог её освободить. Пошёл в сторону трафарета, за ним стоит эта девушка и плачет. Страшно ведь ей. Трудно очень. Если не знаешь их законов. Потом пришёл лезгинец Али и сказал, чтобы я уходил. Но я сказал: «Сперва отпустите девушку, а потом уйду». А он сказал, что про неё уже передали информацию. Тогда я сказал, чтоб и меня забрали. Он не соглашался. Но я всё равно не оставил девушку одну и пошёл вместе с ней. Когда нас туда привели, то я сказал начальнику части, чтоб он одолжил мне 4000 рублей, а завтра я ему верну. Заметил я, что у него не было таких денег, а может были, да не дал. Тогда я сказал, чтобы он позвонил в Калети. Там у меня живёт друг Сева, и он принесёт мне деньги. Он позвонил, хороший был человек. Принёс друг мне 4000 рублей. Теперь у меня были в кармане деньги. Утром внёс деньги и нас отпустили. Приехали через Гори. Потом произошёл ещё вот такой случай. Прогнали скотину, часть пришла, а одна корова не вернулась. И опять эта была корова той девушки Лали. Корова должна была отелиться. И так случилось, что корова отелилась на их территории. Что теперь делать? Оставить – волк съест. Неделю назад волк съел у этой девушки телку. Что было делать? Опять пошли. Начали искать с фонарями. Фонарь у меня очень сильно светит. Одно место было очень плохое и пришлось зажечь фонарь. Видно заметили свет и пришли, и опять поймали. Поймали и сказали, что вы мол перешли из-за продуктов. Я ответил, что «...зачем нам ваши продукты, у нас своих продуктов полно». Это действительно так, у нас всё можно достать. Но всё равно забрали, привели в гарнизон, составили документы. Мы сказали, что мы перешли, чтобы найти корову и телёнка. И вот там был один осетин из Беслана, его прозвали Годо из Балты, он даже приходится мне дальним родственником. И вот он нашёл эту корову в колючих зарослях. Здесь замужем женщина из нашей деревни, и корову отвели к ней во

двор. Правда, они убедились в том, что мы действительно перешли, чтобы найти корову, но всё-таки задержали. В кармане у меня были деньги (я ведь точно не знал поймают или нет), 5 тысяч положил на всякий случай. Но пришлось заплатить намного дороже, восемь тысяч. Судья сказал, что если ещё раз попадётся, то придётся платить в два раза дороже. Так и получилось.

Мы, крестьяне, нуждаемся в деньгах. А сейчас свобода стоит дорого, хоть на той стороне, хоть на этой. Эти восемь тысяч ведь потерял. Восемь тысяч русских рублей – это приблизительно 300-400 лари. Ведь так? Второе, у коровы чуть не пересохло молоко. Мою корову никто другой доить не может. Представьте корову не подоили в субботу, в воскресенье и плюс утром в понедельник. Не смогли подоить и привели пососать теленка... И когда вернулся, то у неё уже почти не было молока. Еле привёл её в порядок. Это ведь потеря? Особенно для крестьянина. Вот, разве это не потери? Но ведь не только это есть потери, потери намного больше. Потеряли родственников, живём беспокойно, не можем свободно передвигаться. Здесь столько грибов, а мы не можем ходить по грибы. Пробрёшься тайком – поймают. Не можем ходить в лес за дровами. Вот если бы помирились – и лес рядом, и грибы. Вот всё это потеряли. Родственников, природу. Без нас и природа скучает. Одичала вся та сторона. У них и скотины столько нет, не ухаживают, не пахут землю. Мы и пашем, и сеем. Туда, куда заходит скотина, там земля облагораживается, а если нет – дичает. Вот это разве не потери?

Я очень болезненно смотрю на все это, очень болезненно. Раньше происходили дела и похуже. В старой истории Грузии всё это описано, уничтожали, сжигали. И вот сейчас с нами так и произошло. Брат сгорел от руки брата, погиб от руки брата. У меня были шурины в Боржомском районе, их отсюда выгнали наши. Они уехали в Орджоникидзе. Есть ещё один шурин. Жена умерла. Хочу увидеться с ним и не могу. Ехать через Ларси очень далеко и долго. Дом не могу оставить надолго. А еще и виза нужна, и деньги, и много времени. Вот если бы имел право поехать в эту сторону. Сел бы в Цхинвали, доехал бы за день, ночью остался бы, а на второй день вернулся. Считаю, что тебя поймали. Сегодня поймали, завтра отпустили.

Сегодня всё также живём в Чвриниси. Обрабатываем землю, ухаживаем за семьёй и скотиной. Если скотина переходит туда и не приходит, больше не переходим. Иногда они могут перегнать корову, как тогда..., вот в ту ночь помогли нам найти и корову, и телёнка. А то телёнка съели бы волки. Их коровы тоже переходят сюда. Вот и вчера перешла их скотина. Я уже за их трафарет не перехожу. Не хочу больше попадать в их руки. Я обычно стою на этой стороне, дожидаясь

свою корову. Если с нашими коровами переходят их коровы, то прогоняю их. И они переходят. Также поступают и осетины.

Наше будущее зависит от нашего правительства. И примирение зависит от них. Я очень на это надеюсь. Раньше тоже бывало так. Бывало очень трудно, но появлялся какой-нибудь добрый человек. Пока что такого доброго человека в правительстве нет никого. Я надеялся на Иванишвили, но ничего не выходит. Потому что очень много противников, как смотрю по телевизору. Все хотят быть начальниками, все хотят, чтоб прошло и победило их слово. На самом деле это не так. У тебя потому есть начальник, что он должен быть самым умным и у его слова должен быть вес и сила. Нет закона, потому и говорят все так много. И вот может появиться такой правильный человек, помирит нас. Чтоб пускали нас и туда, и оттуда. И потом всё продолжится обыкновенно, как было раньше.

Я вот что хочу сказать, четыре раза меня задерживали и отводили в изолятор. Два раза из-за коровы я туда ходил и меня ловили русские. Третий раз меня поймали, когда умер мой друг, осетин, на той стороне. Пошёл я на панихиду, а потом решил на второй день пойти и на похороны, друг ведь у меня умер. Взял деньги и для поминок, и для них, кто меня задержит и посадит, ну, чтобы штраф заплатить на всякий случай..., вот и поймали, когда шёл на похороны. Здесь у нас растут ели, там меня и поймали. Сказал, что иду на похороны. Сначала не поверили, потом поверили, но всё равно задержали. Я сказал, что у меня есть деньги, могу заплатить и скорее судите, я должен успеть на похороны друга. Повели меня к следователю. Затем отвезли в Джава. Оштрафовали на две тысячи рублей и меня назад, домой отправить хотели. Но ведь мне надо не домой идти, а на похороны друга, я за этим сюда перешел. Они говорят, что это невозможно. В это время на этих похоронах был их президент, Тибилов. И ему сказали дети моего друга, что поймали друга их отца, такого же старика, который отсюда шел к ним на похороны. Когда он узнал это, то позвонил. И привезли меня на его машине в дом моего умершего друга. Так что я успел на похороны. После похорон остался ещё на полчаса, на поминках. Затем опять на их машине повезли меня.... Всё. Больше я туда не ходок, хватит.

Хочу ли я примирения? Конечно хочу. Примирение возможно? Да, конечно, возможно. По крайней мере, дети старых знакомых хотят. И, конечно, люди, которые уже в возрасте, тоже хотят примирения. Вот немного не хотят примирения молодые как на нашей стороне, так и на их стороне. Я думаю, что помиримся в конце концов. Потому что эта же наша территория? Что ты с ней будешь делать? Ведь до Джава и дальше – Грузия, наш народ. Надо помириться – другого пути нет!

Л. Ч. жительница села Эргнети Горийского муниципалитета, 60 лет

Родилась я в городе Цхинвали. Среднюю школу, высшее учебное заведение окончила в Цхинвали. Цхинвали моего времени – это был такой город, где не закрывались двери, где было много тепла и большое доверие. Мы играли все вместе на улице и не знали, и не интересовались какой национальности были наши друзья – среди них были и осетины, и русские, и евреи, и армяне... Вот в такой среде я выросла и не было различия по национальности. Я не знаю кому всё это понадобилось, но, наверное, все знают кому это нужно, эта мина, заложенная в Цхинвали, которая была задействована в 90-х годах.

Я очень хорошо помню как в 89-ом году началась эта напряжённая ситуация, когда наши взаимоотношения постепенно ослабли, когда уже начался разговор о суверенитете, когда осетинская сторона начала разговор о выделении, о независимости. Правда, тогда у власти был Звиад Гамсахурдия, который своей политикой и поведением способствовал этому. С сегодняшней точки зрения, когда смотришь на всё это, то понимаешь, что это было большой ошибкой, огромной ошибкой, которая кроме напряжения и беды ничего хорошего не принесла нашему краю, нашему региону.

91-ый год стал пиком того периода, начиная с 89-го года, когда здесь проходили широкомасштабные военные действия. Это всё коснулось и моей семьи. В 89-ом году во время первых столкновений, которые происходили на территории Эргнети, погиб мой супруг. Он погиб двадцать третьего ноября. Вот с этого периода фактически и началось моё отчуждение от Цхинвали (*на глазах выступили слёзы*). До этого были обыкновенные взаимоотношения, ходили друг к другу, всё у нас было. Был дом в Цхинвали, в котором я родилась и выросла. Были друзья и родственники. В течение десяти лет с ними связь фактически прекратилась. Так прошло 10 лет, с 91-го я ни разу не была в Цхинвали. Хотя я помнила каждую улицу, каждый камешек, каждый дом и по всему этому очень скучала. И только в 2000 году я первый раз после десяти лет приехала в Цхинвали. Но это уже был не тот Цхинвали, который я знала и помнила. Очень много людей оставили город. Это как раз те люди, которые создавали политическую и культурную погоду. Вот, например, я помню одну очень известную и уважаемую личность. Этот человек по национальности осетин, который вырос среди грузин. Я не хочу называть его фамилию. Он сознательно уехал из Цхинвали то ли во Владикавказ, то ли в какой-то город России. Он говорил, что «...не хочу, чтоб в меня стреляли мои друзья или чтобы я стрелял в них».

В 2000 году Цхинвали был для меня чужим. На улицах невозможно было встретиться со старыми знакомыми, потому что была какая-то другая, напряжённая ситуация. Не получались взаимоотношения друг с другом. Но со временем, потихоньку стали восстанавливаться отношения. Очень большую роль в восстановлении прежних взаимоотношений сыграл спонтанно открытый базар в Эргнети. Существование этого базара на территории Эргнети, я думаю, надо было придумать даже раньше, чтобы при помощи такой формы общения эти два народа вновь смогли бы сблизиться и помириться. Совместное существование этих двух народов в течение веков не могло пройти бесследно. И поэтому, само собой, этот базар помог сближению и восстановлению доверия. Я не говорю, что в этом конфликте виноваты только грузины. Много грехов и у осетинской стороны. Сколько совершенно невинных молодых людей распрощались с жизнью. Чего только стоит трагедия Дзари, трагедия Эредви, когда людей живьём закинули в могилы. Это очень тяжкий грех. Но это не было государственной политикой. В то время тогда здесь действовали так называемые неформалы. Это те тёмные люди, которые вместо того, чтобы объединить людей в горе и радости, всё более разжигали этот конфликт. И все эти факты вызвали ухудшение ситуации. Я очень хорошо помню как во время одной встречи было сделано предложение: грузины должны извиниться перед осетинами. Если грузины должны были извиниться, то и осетины должны были извиниться перед нами. Моя семья в 91-ом году пережила очень большую трагедию, а после этой трагедии пошли другие трагедии. Почти через каждые три года уходил из жизни какой-нибудь член моей семьи. Это всё последствия той трагедии. Я бы извинилась перед ними, но они извинятся передо мной? Вот над этим вопросом должно было работать общество. Но здесь уже серьёзно замешана третья сила, которую никак не устраивало наше примирение. И это вызвало ещё большее напряжение ситуации, способствовало развитию негативных явлений. Но народ всё-таки мудрый и ни в коем случае не ошибается во взаимоотношениях...

Я помню, что в Цхинвали интеллигенты-осетины отдавали своих детей в грузинские школы по той причине, что здесь более богатая культура. Этим я не хочу ничего плохого сказать о русской культуре, просто грузинская культура была для них ближе, приемлемее. Они выросли на этой культуре, здесь обрели и не потеряли свою самобытность. Наоборот, Грузия всячески создавала им условия: выходила газета, был свой журнал. Также был театр. И что самое главное – в театре бок о бок работали две театральные труппы: грузинская и осетинская.

Я очень хорошо вспоминаю тот период, когда работала Смешанная контрольная комиссия и это был единственный легитимный орган в деле урегулирования грузино-осетинского конфликта. Вопрос решался на уровне государственных министров. Встречи проходили не только в Цхинвали, но и в Тбилиси, в Москве, во Владикавказе, за границей... Я принимала участие во всех встречах и фактически все документы прошли перед моими глазами, так как я в этой комиссии работала журналистом с грузинской стороны. Здесь бывали ссоры, споры, противостояния, но в конце концов побеждал здравый смысл. У грузин было очень много предложений. Помню встречу в Любляне, в 2006 году, на которой не только Евросоюз и ОБСЕ, но и все другие европейские страны выделили до восьми миллионов евро на развитие инфраструктуры в этом регионе. Это была та сумма, которая была нужна разрушенной после 90-х годов экономике. Она нужна была не только осетинской экономике, но и нашей. Было запланировано устройство инфраструктуры в деревнях, улучшение оросительной системы, также системы питьевой воды. Должны были возобновить работу фабрики и заводы. Были намечены спортивные мероприятия, также мероприятия на государственном уровне. Но после войны 2008 года это финансирование прекратилось. Но после войны была ещё какая-то сумма. Я вспоминаю одну встречу, когда в Эргнети приехали представители ОБСЕ. Со стороны Цхинвали был Борис Чочиев (*сегодня он руководитель администрации Леонида Тибилова*). Дело было в том, что осталась нерастраченной определённая сумма, около двух миллионов. Этой суммой была возможность, например, восстановить перекрытый оросительный канал в Эргнети, который был перекрыт после войны. Соглашение между двумя сторонами не состоялось, и эти деньги для региона были потеряны. А ведь их можно было использовать на нужды.

Решения этой комиссии очень помогали укреплению мира и стабилизации в регионе. Правда, были, время от времени, моменты, когда определённые группы накаляли ситуацию, была постоянная стрельба, были провокации, не отрицаю, с обеих сторон, но всё-таки был мир, хотя и очень хрупкий. Но дело до войны не доходило.

До 2004 года очень хорошо работал базар в Эргнети, фактически он примирил в какой-то степени два народа. В Эргнети приезжали не только люди осетинской национальности, но и жители северо-кавказских республик. Вообще, торгово-экономические отношения, по моим наблюдениям, лучше всего действуют в деле примирения двух народов. В то время у меня не было больших доходов, да и с базаром у меня не было никаких связей. Но у меня была мини-гостиница, в которой собирались люди, приехавшие с Северного Кавказа, даже с Ростова. И я хорошо помню, что осетины, кабардинцы оставляли грузинам до-

вольно крупные суммы денег не боясь, что могут их потерять. Да, вы помните, что пол-Грузии жило за счёт этого базара. Правда, у этого базара были и свои негативные стороны, контрабанда. Но это можно было урегулировать на государственном уровне, установить строгий контроль, задействовать таможенную систему. Ведь после уплаты налога эти деньги пополнили бы бюджет Грузии. Но, к сожалению, из-за авантюры Саакашвили и Окруашвили базар был закрыт, система развалилась. По ту сторону, на небольшой территории между Цхинвали и Эргнети в Мамисантубани, у въезда в Цхинвали, сегодня функционирует базар, основы которого были заложены в 90-х годах. Но уже без грузин, само собой, теперь уже без грузин.

В 2004 году закрылся базар в Эргнети, но передвигаться было возможно. Контроль с обеих сторон стал строже, но сообщение между людьми не прекращалось, так как это были близлежащие населённые пункты к югу. Они за всем ездили в Тбилиси – к врачу, за продуктами, за строительными материалами. То что к врачу ездили в Тбилиси – это тоже показательно. Не могу сказать, что это происходило по инерции, такие вещи инерцией не продолжают. Значит существует предистория, раз ты устанавливаешь связи с противостоящей стороной. Существовали свои исторические корни, взаимоотношения. Половина жителей Цхинвали высшее образование получали в Тбилиси. Здесь были учёные, которые закончили аспирантуру в Тбилиси. Вот эти люди не теряли связей. И с 2004 до 2008 года сознательно были закрыты все дороги. А война окончательно оторвала нас друг от друга. Сегодня мы зашли в тупик, не помогают никакие переговоры. Наш враг очень хорошо использовал эту обстановку. Но я не сомневаюсь, что настанет время, может через год, два, десять лет, когда наши прежние связи восстановятся. Это обязательно произойдёт. Я хочу вспомнить один факт. Это было в то время, когда были перекрыты все дороги. Тогда премьер министром Цхинвали был присланный из России человек, некто Бронцев. Я видела документ с его подписью, опубликованный в осетинской прессе, где было написано, что Эргнети был одним из пропускных пунктов, где не запрещалось свободное передвижение. Этот документ был принят после войны. Это значит, что и они до конца не осознавали, что произошло. Значит и они считали и допускали такую возможность, что взаимоотношения восстановятся. И одним из таких пропускных пунктов был указан Эргнети. И естественно, нельзя вот этот Транскам... Нельзя закрывать эту дорогу. Здесь видна часть большой политики, здесь интересы не только грузинской и осетинской стороны, но и стран Южного Кавказа – Армении, Азербайджана... Все ездили отсюда, отсюда дорога короче, чем через Ларси. И к тому же безопаснее, даже в тот период.

Если говорим о 2008-ом, то сразу скажу, что самый большой удар пришёлся на эту деревню, на мою семью тоже, вот мой дом фактически разрушен. Но ведь для нас эта война началась не в один день. Эта война длилась в течение лет и почти каждый день была напряжённая ситуация: каждый день были слышны стрельба и взрывы. У моей калитки каждый день стояла машина, сторожили. Это, так сказать, была своеобразная служба. Шаг за шагом мы шли к этой войне. И вот последняя точка – август 2008 года, когда уже некуда было идти, началась широкомасштабная война. Мы были во всё это подключены. И когда наступало затишье, я удивлялась – почему больше не стреляют. Настолько мы привыкли жить под звуки пуль и взрывов, что, правду сказать, тишина нас уже пугала. Вообще война, особенно восьмое августа стало венцом всего. Сейчас мне трудно оценивать ту войну и ту ситуацию, но это была последняя капля, которая переполнила чашу. Вот прошло уже шесть лет после войны. С сегодняшней точки зрения и я, и, наверное, грузинская сторона, и точно знаю, и осетинская сторона сожалеют о многом, что оказались мы в такой изоляции. Есть моменты, звонят друзья из Цхинвали и говорят, что нет смысла без вас, Цхинвали – это уже не Цхинвали, какой был раньше.

Эпицентром войны был, конечно, Эргнети. Здесь сгорело 160 домов. Не все дома стали жертвами касетных бомб и взрывов. Была определённая группа людей, сепаратистов, которые ходили и бросали в дома коктейли молотова и жгли. Это было для нас очень тяжело. Например, 19 августа, как только прекратились военные действия, я вернулась в деревню. Я не знала в каком состоянии был мой дом. Ведь мы так ушли, что не успели взять даже документы. Тогда я думала только о спасении детей. 19 августа меня встретила необитаемая деревня, где все дома были сожжены, особенно на нашей улице. На трассе патрулировали осетинские и русские машины. Настолько это было для меня тяжело, что когда они приближались, я закрывала глаза. Ведь могли оттуда выстрелить и я не хотела видеть, кто стреляет. Когда вошла в деревню увидела, что все калитки были открыты, по дворам ещё бегали куры и собаки, но была невыносимая тишина. Только было слышно как ветер колышет остатки сгоревших крыш. И этот звук был страшен. Конечно, всё это было очень тяжело. Но мы как-то всё это пережили. Хотя были и жертвы. Несколько человек в Эргнети сгорели живьём прямо в домах, убили их из оружия. Только это делали не русские, а осетины. Потихоньку залечивается эта боль, которую мы получили, потихоньку. Уже и дома восстановили. Очень помог Датский совет по беженцам. Сперва построили маленькие однокомнатные коттеджи, где можно было укрыться и переночевать. Затем два года назад была реабилитация наших домов. И постепенно люди вернулись к нормальной жизни.

Я часто вспоминаю одну историю, которую я не забуду никогда в жизни и которая оставила определённый след в моей жизни. Уже был закрытый период. В шесть часов утра мне позвонил мой друг, мужчина осетинской национальности, который работал в их милиции. У него был довольно высокий чин. Он плакал, сказал, что у него страшное несчастье. В селе Тбети его брата, мужчину шестидесяти лет, ночью подрали волки. Он был в тяжёлом состоянии: был откушен нос, одного уха не было, весь был изранен, уже был в коме. Его перевели в Цхинвальскую больницу, но врачи сказали, что здесь ему не смогут помочь и посоветовали везти во Владикавказ. Но проблема была в том, что до Владикавказа он вряд ли доехал бы живым. У них даже не было сыворотки. И он с плачем просил меня, чтобы я помогла ему и забрала его брата отсюда. На вопрос – будет ли он сопровождать, тот человек ответил, что в правительстве его уже предупредили, что если он оставит территорию Цхинвали, то потеряет работу и не сможет вернуться назад. И он целиком и полностью доверяет брата мне. Мне, конечно, было очень сложно выполнить эту задачу, так как тогда уже были перекрыты все дороги. Что было делать – дороги нет, мер безопасности нет, плюс умирающий мужчина... Меня могли обвинить в любой провокации. Поэтому я кое с кем согласовала этот вопрос, затем позвонила в скорую помощь Тквиави и сказала, что надо из Цхинвальской больницы вывезти человека. Врачи ответили, что им нужны надёжные гарантии безопасности. Тогда я использовала свой служебный статус журналиста Смешанной контрольной комиссии и лично связалась с Кулахметовым (*Марат Кулахметов в 2008 году был командующим дислоцированного в Цхинвали батальона смешанных миротворческих сил*). Я объяснила ситуацию, Кулахметов согласился. Связались с ним и с Цхинвальской стороны. Кулахметов выслал нам охрану, приехал на пост, который был перекрыт. И в сопровождении этой охраны скорая помощь Тквиави приехала в Цхинвали, забрала из больницы умирающего мужчину и ввиду того, что мы уже не успевали в Тбилиси из-за его тяжёлого положения, то привезли его в Горький госпиталь. Я очень благодарна Нукри Джохадзе, который в то время был главным врачом госпиталя. Он за считанные минуты поставил весь госпиталь на ноги. И буквально через несколько минут этот человек уже был в операционной. Ему сделали несколько операций. Я по телефону постоянно сообщала его брату о происходящем. И человек пришёл в себя, начал кушать. Я его сама кормила, он говорил по телефону со своими родными. Оттуда были опасения – чтоб ему специально чего-нибудь не навредили. Он отвечал, чтобы они не беспокоились, он в надёжных руках, грузин не боится, что они хорошо с ним обращаются и хорошо ухаживают. Всё было сделано бесплатно.

Но настало восьмое августа и началась война... Настало время спасать самих себя. Пришлось бежать самим и честно говоря несколько дней я не вспоминала об этом человеке, так как мы сами не знали куда бежать. Через некоторое время, когда немного утряслось, я стала спрашивать о нём. Я узнала, что госпиталь эвакуировали и больных разместили в разные больницы Тбилиси. Я стала разыскивать его по больницам. Оказалось, что его отправили в инфекционную больницу. Но, к сожалению, я его уже не застала в живых. Когда он иногда приходил в сознание, то просил, чтобы его отвезли в Эргнети, что там есть женщина, которая спасёт его и отвезёт в Цхинвали. Главный врач больницы передал мне его паспорт и историю болезни. Я позвонила его брату в Цхинвали. Представьте в каком плохом положении я была. Я не хотела, чтобы они подумали, что раз война и напряжённая ситуация, это произошло сознательно. Это было исключено! Врачи сделали всё возможное. Ни один медицинский работник не желает смерти человеку, даже если это враг. Затем произошло так, что в результате переговоров этого человека машиной Красного креста перевезли в Цхинвали. В то время в Цхинвали в плену были наши солдаты. И его обменяли на наших трёх пленных солдат. Таковы законы войны. Мне и сегодня очень больно вспоминать всё это, но, к сожалению, у войны свои законы.

Я заплатила очень дорогой ценой за этот конфликт. Погиб мой муж. Сколько потом ещё было горя и страданий, в результате которых через каждые три года я теряла по одному члену семьи. Вот всё это, потери, похороны, всё легло на мои женские плечи. Конечно, труднее всего было перенести смерть близких. А потом война 2008 года, после которой остался только пепел от моей 80-летней семьи. У моей семьи не осталось даже истории. Что ещё может увидеть человек в своей жизни? Ничего не осталось. Но, Слава Богу, остались живы мои дети. Всё это было очень тяжело перенести. Кто я? Я рядовой гражданин Грузии, рядовая личность, которой пришлось заплатить очень дорого за ошибки горе-политиков, которые начали этот конфликт, который впоследствии перерос в широкомасштабную войну. И от этой войны ничего не выиграли ни грузинская и ни осетинская стороны. Как будто немного зажили раны, нанесённые войной. Но мы опять и опять со слезами вспоминаем тот период, когда жили вместе.

Знаете, я неисправимый оптимист. Я верю, что через определённый период эти взаимоотношения восстановятся. Иногда, когда вникаю в суть и корни этого конфликта и сравниваю с другими конфликтами, то убеждаюсь, что это не было этническим противостоянием между грузинами и осетинами... Допустим, конфликт, возникший на почве

захвата территорий. Это был искусственно созданный конфликт, искусственно разожгли вражду между народами. И всё это хорошо было использовано третьей силой. Очень часто думаю о том, что кого-то и сегодня очень не устраивает урегулирование этого конфликта. Вокруг меня много людей, которые готовы всё простить, что было плохого между нами, и начать жизнь с чистого листа. Основанием к этому могут послужить и смешанные семьи – это хороший ресурс. Но определённые силы не желают урегулирования этого конфликта. Есть такие нити, которые можно задействовать и они могут принести хорошие результаты. Я не говорю о том, что завтра же откроется дорога, вернуться наши беженцы, которых сразу же будут ожидать восстановленные и реабилитированные дома, которые они оставили. И вы знаете, сколько имущества они там оставили. Сегодня в Цхинвали борьба идёт за то, чтобы восстановить разрушенные в результате войны дома. И мне приходилось много раз слышать от Цхинвальского населения: зачем мы жгли дома, когда могли просто войти в готовые дома и жить. Вот это была их кратковременная политика. Таким способом они должны были выжить оттуда грузин. Вы часто могли видеть фото, на которых видны дома, которые сравнивали с землёй, срубленные лозы винограда. Но лоза всё равно вырастет. Не через год, так через пять лет. И сады вновь вырастут. Главное, чтобы люди нашли друг друга и смогли прийти друг к другу.

Я прочитала в одном осетинском издании, что от правительства официально потребовали запретить грузинские песни, музыку, танцы, запретили «гандагана». Об этом не раз печатали в прессе. Я живу так близко от разделительной линии и Цхинвали, что очень часто, когда допустим у них свадьба, часто оттуда доносятся звуки музыки. И очень часто слышно, что они танцуют под музыку нашего грузинского «шалахо», слышны грузинские песни. Это даёт мне надежду на то, что они не совсем забыли грузинский. И друзья рассказывают, что когда им хочется сказать какой-нибудь секрет, то говорят друг с другом на грузинском. Это значит, что в них живёт то историческое и это невозможно стереть бесследно. Всё это закономерно, что это нельзя стереть, это закон природы. Помню одного моего товарища, моего одноклассника, осетина по национальности, который окончил грузинскую школу. Так он говорил, что ему запрещают говорить на грузинском языке. Но он признавался, что всё ещё думает на грузинском, а потом переводит и так говорит по-осетински и по-русски. Так стараются полностью изменить их менталитет. А этого делать нельзя. Так легко не происходит изменение внутреннего мира человека. Всё это отложилось в них в течение лет и веков и не так-то просто всё это изменить и переделать.

Г. В. житель села Сарибари Каспского муниципалитета.
Всего в селе проживает 8 семей – все этнические осетины

Родился в селе Сарибари. Здесь же закончил среднюю школу, всю жизнь тружусь. После армии работал электромонтёром. Затем пришлось работать везде: в различных хозяйствах, водителем автобуса, возил людей на экскурсии. И сейчас работаю на маршрутном такси в деревне. Иногда еду в Тбилиси и Гори, даже если в маршрутке всего два пассажира. В неделю один раз обязательно обслуживаю людей нашей деревни.

В 90-е была опасность нападения со стороны Кодисцкаро. Грузины из Кодисцкаро всеми силами защищали ту сторону, сюда никого не пускали. Если что-то надо съесть, то лучше мы сами съедим, говорили мы все... Грузины защищали нас с той стороны, а отсюда мы никого не пускали. Не было такого случая, чтобы кто-нибудь пришёл бы из Орчосани в Кодисцкаро и кого-нибудь ограбили или отняли бы машину. Никогда. И у нас были машины. И если мы защищали их отсюда, то они защищали нас со своей стороны. У нас и сейчас хорошие отношения. Вот если бы русские не стояли между нами, мы бы и сейчас общались друг с другом. Иногда хочется сесть за один стол, поговорить. Но они боятся грузинской полиции, а мы боимся русских ... Вот такие дела!

Знаете, когда шла вода, мы прорыли канал для полива. И по эту сторону я сидел, а по другую сторону сидел их пастух. И вот так мы дружили. Я взял с собой хлеб-соль, кое-что из еды, вино. И у пастуха была с собой своя еда. У них нет столько вина, сколько на нашей стороне. И вот так мы пировали – он со стороны заграждения, а я с этой...

У многих на той стороне живут родственники... У меня там живут двоюродные братья, дети моего дяди со стороны отца. У них уже внуки, а я ни одного не знаю. Ведь они ушли отсюда, когда им было по 1-2 года. А прошло уже 17-18 лет. Вот и моему сыну 17 лет, а он никого не знает из своих родственников. И по-осетински не знает ни одного слова, даже слова «сядь» не знает. Он растёт в Каспи сейчас у меня. Ему скоро в армию.

2008 год – это были самые страшные дни не только для нашей деревни, но и для всей страны. Мы прятались. Здесь в деревне есть какие-то бункеры, старые бассейны... И все прятались вместе там ночью, выглядывали оттуда, смотрели откуда идёт свет. Вот такие страшные дни прошли. Ночью никто не мог оставаться дома, боялись. Мы устано-

вили дежурство по 2-3 человека и наблюдали, чтоб никто не вошёл с той или другой стороны. Во время войны нас грузины не беспокоили. Лично у меня в тот вечер был один военный начальник, вместе обедали. Когда начали бомбить Гори. Наверное, это было девятого. Некоторые грузины прятались и у меня. Хочу вспомнить такой эпизод. Когда грузинам пришлось бежать из Орчосани, я в это время вышел на улицу. Один попросил у меня воды. Я ответил: «Что такое для мужчины вода, выпей вина». Их было человек 6-7, были очень уставшие. По всей видимости были из Кахети. Я заговорил с детьми по-осетински и сказал, чтобы принесли воды. А когда повернулся, то уже никого не было. Они бежали от осетин, а здесь опять встретились с осетинами. Ведь они не знали кто мы, какие мы люди. У нас никогда не было недоразумений ни с осетинами, ни с грузинами. И сейчас я не слышал, чтобы кого-то тут арестовали.

Со стороны русских был такой случай. Задержали двух молодых и одного старика, которые перешли с грузинской стороны, чтобы пустить воду для полива огородов. Старика не тронули, отпустили, там надо в подъем подниматься и сказали «это старый, ну его к черту» а молодых забрали. Русским за это платят и дают премии. Тех молодых тоже быстро отпустили. Но подобные случаи здесь происходят не очень часто.

Вот что еще хочу сказать, например, у нас бывают встречи. Одна такая встреча была и с осетинами в Ереване. Сперва удивлялись, что осетин и с этой стороны, и как я такой получился. А затем так подружились, что друг без друга не ели. Сейчас человек из Орчосани не имеет права свободно пройти по своей территории. А мы? Кто нас беспокоит? А мы ходим свободно.

90-ые и 2008 год, потерялись родственные связи, потерялась любовь и, главное, люди перестали доверять друг другу. И деревня уже не такая как прежде, нет контакта между людьми. Очень плохо, что нет работы. Не можем работать и теряется смысл жизни. Каждый день думаешь о том, куда пойти, что делать. Иногда думаю, если кто – то позовет и скажет пойдём попрошайкой, наверное, пойду. Нет никакого дохода, катимся назад, а не вперёд. Вперёд шли наши отцы и деды. Мой отец умер рано, в 48 лет. И вот этот большой дом построил своими руками и многое успел сделать для своих детей. А ведь он работал простым монтером, жил на зарплату. Когда я вернулся из армии, тоже работал монтером, у меня была зарплата 110 лари (*подразумевает рубли*). Ни в чём себе не отказывал, менял машины: были у меня «Жигули» и «03», и «06», и «Волга». Вот сейчас у меня маршрутка, но её

взял в кредит. Все старые машины сдал в металлолом, добавил деньги и так купил. А сейчас ничего не купишь, работы нет. Воды нет и в саду, и в огороде, не можешь работать. Сейчас установили капельную поливочную систему и появилась небольшая возможность вырастить хоть небольшой урожай. Немного даже остаётся на продажу. Немного виден уже итог труда. В этом году собираюсь расширить и увеличить работы в саду.

Вот если завтра, послезавтра, в ближайшем будущем, если улучшатся взаимоотношения между грузинами и русскими, между Цхинвали и Тбилиси и откроются закрытые дороги, повлияет это на наше экономическое положение? Конечно, повлияет. Когда я свободно смогу перемещаться... Простой пример: раньше если мне нужна была рыба, уходил вечером, а утром дома уже была рыба. Ездил в Орджоникидзе. Возил в Цхинвали овощи на продажу. А с той стороны привозил муку, постное масло или какие-нибудь другие продукты.

Сейчас, если бы между нами не стояли русские, мы опять бы стали бы побратимами и всё было бы к лучшему. Знаете, побил тебя сегодня кто-то и я затаил злобу и обязательно решил отомстить. Мне тоже попало во время этого конфликта. Меня побили в Цхинвали. Однажды я бежал отсюда, кое-кто хотел у меня отнять машину. И я решил убежать в Орджоникидзе и остался там на месяц. Растратил все деньги и вернулся назад, не смог там жить. И меня побили – почему возвращаешься. Я ответил: «А что мне делать?». Я опять вернулся в Сарибари. По-русски ведь Сарибари переводится как свобода..., да, да, Сарибари - это свобода. Ведь говорят «свободен». Ведь когда проверяли таможенники, говорили после проверки в тоннеле: «Свободен». А когда вышел из тоннеля, то там уже был осетинский пост – «будка». Стоят в этой будке и спрашивают по-осетински: – «Куда идёшь? Кто такой?». Ну я и ответил: «В Сарибари». И вот он и ударил меня: «Это что за Сарибари?». Автоматом разбил подфарники и втолкнул внутрь... Это было во времена Гамсахурдия. И вот поймали нас, целый день были голодные. В течение суток даже воды не дали ни разу. Нас было трое. И вот, наконец, появился один хороший человек, один пожилой человек и спросил: «За что вы держите этих людей?». Те ответили, что мы блатные. Нас называли «гамсикеби», грузинские «гамсикеби», связывали с Гамсахурдия. Это означало, что мы вроде осетины, но огрузиневшие осетины. Так нас и называли «гамсикеби». Я ненавижу людей такого типа. Так держали нас, держали взаперти, затем всё тот же человек сказал им, что мы действительно из Сарибари, «...отпустите их сейчас же и накормите их». Я сказал, что «...не хочу я вашей еды. Лишь бы

выбраться отсюда». И когда нас отпустили, то мы поехали не в сторону Цхинвали, а вернулись назад. Потому что если бы вернулись в Цхинвали, то нам там не поздоровилось бы. Уж очень там ненавидели таких как я. В то время людей провожали бронемшины миротворцев. Они провожали нас туда и выводили назад. А если не успевали и шли без миротворцев, то было опасно. Если в Цхинвали поймают молодой человек, считай, что остался без машины.

Сейчас о будущем, ну и о ближайшем будущем. В первую очередь, должен быть мир и будет будущее. Потихоньку опять подружатся люди. И не надо раздражать людей. И не должно быть разговоров, что идут осетины и всех вас скушают, или, наоборот, пугать кого-то, что идут грузины и они вас скушают. Таких разговоров не должно быть ни с одной стороны. Вот такие моменты были во времена Гамсахурдия. Тогда их называли неформалами, я даже уже не хочу о них говорить и вспоминать. Они приходили, отнимали золото, машины. Такое происходило в то время. Но после этого нас уже никто не беспокоил. Сейчас в деревне опять все на своём месте. Только плохо, что молодёжь покинула деревню, так как нет работы. Вот мы остались здесь. Просто как оставить такой большой дом, а то, наверное, тоже ушёл бы в город. В начале что-то пообещали, затем забывают про нас. Вот открыл кооператив, вложил деньги. Были объединены в кооперативе семь человек, меня назначили председателем. Но председатель чего – я и сам не знаю. Был момент, когда в деревне провели капельную поливочную систему, у некоторых и сейчас она есть. В этой деревне после коммунистов никто не видел воды. Всё приходилось покупать, даже за помидорами ездили в Гори. А в этом году, наоборот. Отсюда вывозили помидоры и другие овощи. Если в деревне будет вода, то опять будет урожай, будут свои продукты. В нашей деревне народ работающий. Люди здесь любят работать.

Если будут условия и будет поддержка, конечно, вернуться люди. Сейчас, когда дети приезжают ко мне, то всё время говорят: «Что нам делать?». Я стараюсь найти им дело. То заставляю рубить дрова, то поручу помыть машину, чтоб чем-то развлечь. Главное, чтобы был мир, а люди потом сами всё сделают и жизнь пойдёт вперёд. Всем желаю мирной жизни.

Н. Б. жительница поселка для ВПЛ в Каралети

Родилась в тогдашнем Цхинвальском районе, в селе Эредви, в семье служащих, образование получила в Эредвской средней школе. Школу окончила с отличием, в том же году поступила в Цхинвальский государственный педагогический институт по специальности грузинский язык и литература. Также с отличием окончила институт. Начала работать в Эредвской восьмилетней школе пионервожатой. Работала добросовестно и в результате очень успешно. Постоянно была делегатом на съездах партии и комсомола. Имею грамоты и дипломы союзного, республиканского, автономного и районного значения. В те дни по радио и телевидению много говорили обо мне. Кое-кто даже думал, что я доярка – так часто меня упоминали везде.

У меня был очень хороший муж, заслуженный учитель, который в 1988 году неожиданно скончался от инфаркта. Он был необыкновенным человеком и прекрасным учителем. Его ученики и сегодня дружат с нашей семьёй. И когда мои дети говорят кто был их отцом, то все относятся к ним с большим уважением. Детей у меня трое. Дочь замужем, один сын женат. В моей жизни было много хороших дней. Я уже говорила, что имею много наград. Награждена Орденом Чести, нагрудным значком учителя. Несколько лет работала заведующей детским садом. Во время работы в детском саду присвоили звание методиста-воспитателя. Вообще, у меня много грамот и наград. Даже была лауреатом Художественного фестиваля, в 88-ом стала членом союза писателей Цхинвальского отделения. В прошлом я писала. Даже были готовы к изданию две книги. Но всё потеряла в результате войны. Потеряла свою историю, своё прошлое. Единственное моё богатство сегодня – это мои воспоминания.

Всё время работала. Победила в конкурсе Министерства образования и меня назначили заведующей региональным отделом просвещения. Затем отдел переименовали в «Ресурсцентр» и я была руководителем «Ресурсцентра». Оттуда перевели начальником социального отдела. Но когда пришли националы меня посчитали нежелательной личностью и меня освободили от работы. С тех пор работала в разных неправительственных организациях, в частности «Женщины за мир и жизнь». В деле строительства мира я одна из активных участниц в ассоциации «Танхмоба» («Согласие»). В течение пяти лет работала наблюдателем по защите прав человека, по защите прав женщин

в отделе ООН в Шида-Картли. В данный момент всё ещё занимаюсь активной деятельностью.

90-ые были действительно тяжёлыми годами. Вернее, уже с конца 88-го чувствовалось напряжение с обеих сторон. Но после 9-го апреля 89-го вся надежда пропала. Какой-то страшный был этот день, я его никогда не забуду. Столько было жертв, столько погибло молодых людей за независимость, но почему-то и сегодня не чувствуется, что страна независимая. Для чего же тогда столько погибших молодых жизней!? Особенно обострилась ситуация в 90-е годы, начали уже убивать друг друга. Помню хорошо, как перед райкомом в машине застрелили Гундишвили, Сомхишвили. И так получалось, как будто соревновались в убийстве друг с другом. Убьёт грузин осетина, затем осетин убьёт грузина. Затем опять. И таким образом всё больше и больше обострялась ситуация.

До 91-го года мы ещё считались Цхинвальским районом. Это я уже говорю о селе Кехви (Ущелье Большого Лиахви). Я считалась работником просвещения и все дела этой системы у меня опять были в Цхинвали. Поэтому приходилось ездить туда по делам. Но с 91-го года наши взаимоотношения прекратились. После этого нас приписали к Горийскому району. Люди были в растерянности, не знали что делать и куда обращаться.

И так мы прожили 18 лет, до 2008 года. К этому времени грузинское население уже покинуло Цхинвали, никого уже там не осталось. И до 2008-го года мы, можно сказать, зубами старались сохранить в регионе грузинский дух и всячески цеплялись за грузинскую юриспруденцию. Стояли крепко. Как в Большом Лиахвском ущелье, так и в Малом было также. Но особенно у нас. Потому что у нас не было выхода и приходилось ходить и ездить через Цхинвали. Ходили с проводниками (один период нас провожали через Цхинвали бронемшины миротворцев). Но несмотря на всё это ночью спать не могли спокойно. Постоянно слышалась стрельба. Этот панический страх ужасно действовал на людей. Бегали с места на место, боялись за детей. Правда, тогда было страшно, но я была бы рада, если б смогли сохранить тогдашнее положение, смогли бы сохранить свою землю, территорию.

Одну историю я часто вспоминаю. В Цхинвали Лира Козаева-Цховребова делала подобные проекты, в которые обязательно подключались грузинские дети и женщины, был также Женский клуб. Одно время у Лире Козаевой была такая информация, что я была экстремистка и воевала против осетин. Она не знала, что моя дочь живёт в Цхинвали. И вот однажды она сказала, что должна со мной встре-

титься. Тогда я работала в отделе образования. Я увидела, как во двор въехала машина. Она вышла из машины и сразу спросила, где можно увидеть ... и назвала мое имя. Я встретила её так, как встречают родного человека, вернувшегося с войны. Женщина была настолько поражена, что не могла скрыть своего крайнего удивления. Никак не могла понять, почему ей такое про меня говорили. С тех пор между нами установились тёплые и дружеские отношения. Даже принимали участие в Воскресной школе. 15 детей возила я в Цхинвали. По воскресеньям ездили туда грузинские и осетинские дети. Впервые между детьми потеплели отношения, они полюбили друг друга. Вот так мы и работали: Лира со своими детьми, я со своими. Мы всячески старались, чтобы у детей не возникало никакого чувства, похожего на ненависть. Я по профессии педагог, воспитатель, не могу калечить души детей. У меня на это нет никакого морального права, да и по натуре я не такой человек. Дети полюбили друг друга. Началась переписка, звонили друг другу. Очень хорошо прошла та Воскресная школа. В Воскресной школе дети учили английский, грузинские и осетинские традиции, гендер, рисовали, писали. Мы обращали большое внимание на гражданское образование и на взаимоотношения, на восстановление доверия. Это было лейтмотивом нашей совместной работы.

В конце 90-х годов обстановка вроде чуть смягчилась, люди начали общаться. Когда открылся базар, взаимоотношения стали налаживаться. Лира Козаева приглашала на встречи. Была встреча и с Кокоевым. К нему приходили много грузинских женщин. На подобных встречах присутствовали и осетины и я знала мнение всех. В это время сблизилась до такой степени, что были между собой свадьбы, крестины, родственные связи. Большую роль играл базар. Но как только к власти пришли националисты, с тех пор начался разлад в отношениях.

В 2004-ом году закрылся базар. Напряжённая ситуация ещё более обострилась после назначения Дмитрия Санакоева (*вы помните, что Санакоев был назначен руководителем временной администрации Южной Осетии. В 2006-ом грузинское правительство создало администрацию в Большом Лиахвском ущелье*). Лучше было бы, чтобы эта администрация была расположена где-нибудь в другом месте, а не в Курта. Так как после прихода Санакоева нам пришлось проходить по лесу 40 километров. Если был транспорт, то еще ничего, а если нет, то приходилось пешком идти в снег и мороз... Представьте, сколько всего нужно для семьи. И нам приходилось в снег и мороз пешком ходить через лес. Было очень опасно, особенно зимой. Хотя и летом

было небезопасно. Всё время были под страхом, что кто-то выскочит из-за деревьев.

А потом настал 2008 год. К сожалению, мы не смогли применить мудрость против невежества. Уже с первого августа люди были встревожены. Послушаешь наше телевидение и появлялась надежда. Но включишь Цхинвальское телевидение и радио и слышишь, что они вывозят детей и женщин. Что происходит? Не могла дозвониться до дочери. Раза два удалось дозвониться. Она оттуда меня предупреждает, чтоб берегли себя, а я тоже самое говорю ей отсюда (*ее дочь замужем в Цхинвали и во время войны они оказались по разные стороны*).

В деревне люди почти не выходили из домов. Мы тоже спрятались. Мой сын в то время жил в Гори, но первого августа вернулся в деревню. Я сказала ему, почему он вернулся именно сейчас, когда все бегут отсюда. А он ответил, что не собирается прятаться, где его народ – там будет и он. Я очень переживала за обоих сыновей. Ведь я в первую очередь мать. Спрятались в бетонном подвале соседей. На улице ни души. Оказывается люди бегут. Выносят, что могут, а я ничего не знаю. Нас было немного. Я, два моих сына и ещё несколько человек из четырёх семей. Никто не знает и не понимает что происходит. Деревня опустела. У младшего сына была машина. Сели в машину 11 человек и поехали на большой скорости.

В это время уже бомбили деревню, бомбили, да ещё как. Был полдень, оказывается был объявлен перерыв. И мы успели выехать в это время. Ведь мы ничего не знали. Ехали и не знали сможем выбраться или нет. Мы даже домой не успели зайти, так что ничего из вещей и не взяли. Единственное, что успела, так это посмотрела со двора на свой дом. Как чувствовала, вдруг не вернусь, так хоть запомню. Не зашла, чтобы взять хотя бы документы и фотографии. Одним словом, ничего не взяли.

Сели в машину и поехали. Так проехали через всю такую большую деревню Курта, через Ачабети, повернули в сторону Хеитии по дороге не встретили ни души. Поехали в сторону Цвериахо, там уже было всё разрушено, людей не было. Только увидели, что бежит один человек в нашу сторону. Мой сын крикнул ему, чтобы он вернулся. Затем приехали в Эредви. Там также была страшная картина, всюду стреляли. Оттуда приехали в Гори и там остались с сыном. А моя мать и брат остались в Эредви. И представьте, что я испытывала, когда в три часа ночи мой сын отправился назад в Эредви. Он привёз мою мать, хотя она отказывалась оставлять свой дом. А брат не согласился и остался там.

Мы были в Гори и жили на четвёртом этаже в доме напротив Дома культуры. И как раз там упала первая бомба. Мы испугались и спустились на второй этаж. Там жил один старик-осетин. Он сказал, чтобы мы не боялись. Он участник Второй мировой войны и знает, что сюда больше не попадёт бомба. Мы остались в Гори ещё два дня, а затем поехали в Тбилиси. Приходилось жить в нечеловеческих условиях.

О цене конфликта вы спрашиваете и вот что я вам скажу. Чем больше проходит времени, тем глубже осознаёшь потери. Я не говорю об экономических и материальных потерях. Я переживаю за свою землю, за свой регион, переживаю за один из древнейших уголков Грузии. Из моих мыслей уже ушёл мой дом. Больше всего страдаю из-за того, что самые близкие стали такими далёкими и недоступными. Эта боль души, тяжёлая травма. Так не должно быть!

Сейчас 21-ый век. Два огромных государства борются за первенство. Но простые люди не должны быть жертвами этой борьбы. Мы не должны стать жертвами для удовлетворения их желаний. Мать должна иметь право свободно пойти к дочери, а также дочь должна иметь право видеться с братьями и родными ей людьми. И такая я не одна. Многие испытывают подобную боль и страдание. У многих на той стороне остались родители или наоборот. Столько людей живёт с подобной болью. Я считаю, что это грубое нарушение прав человека, и не согласна с мнением, что права человека защищены. Нарушены права женщины, мои права. Как я могу сказать, что мои права не нарушаются, если я не могу видеться с дочерью. Вот уже девять лет не видела внуков. Разве это не нарушение прав человека?

Знаете, ненавистью дела не делаются, ненависть уничтожает, всё стирает и разрушает. Любовь, если она у меня есть, то я должна уметь любить любовь... Я люблю представителей осетинской нации, люблю людей. Разве я люблю только своих детей и внуков! Я всех люблю. Я там родилась и выросла... Вот, например, Иуза Татаева была секретарём райкома комсомола в мои школьные годы, затем почти 13 лет я проработала пионервожатой. И хочу сказать, что именно эта женщина воспитала меня как организатора. И не только меня. И я очень хочу с ней встретиться, хочу поговорить. И знаю и она согласна вступить в диалог. Да и другие тогдашние сотрудники пусть придут. Хочу поговорить с ними о прошлом. Потому что прошлое рождает будущее. Кто забыл прошлое, у того не будет и нет будущего.

Вообще, я хочу сказать, что я оптимистка, к тому же неисправимая. И я верю, что в нашем регионе вновь зацветёт алыча, вновь зацветут грузино-осетинские взаимоотношения. По-другому просто нельзя.

Как нельзя отделить нос от рта, так не отделятся друг от друга грузины и осетины, потому что в мире нет таких двух родственных и так тесно связанных между собой наций. Мы как цифра восемь. И как не разделить восьмёрку, так и не разделить наши отношения. И какая бы сила не пришла, какая бы не была политическая воля, мы, люди, не сможем ненавидеть друг друга. Ведь я связываюсь по телефону не только со своей дочерью, но с многими другими людьми. Был и такой случай: Анатолий Габараев был первым секретарём райкома комсомола. Сейчас он профессор Цхинвальского университета. Когда учились мои внуки, то моя дочь пришла в институт к детям. Когда он увидел её, спросил, кем она приходится мне. А когда узнал, что это моя дочь, то принял её всем сердцем и душой.

Говорят, что вода не смывает следы, вот так и наши исторические взаимоотношения нельзя, чтоб исчезли, нельзя, чтоб не восстановились и не возродились. Ведь испокон веков мы братья и друзья. И я одна из тех, кто может положить хоть один кирпич в возрождение грузино-осетинских отношений, начнёт и закончит восстановление этих взаимоотношений. Я так думаю, я желаю этого всей душой и телом. Также думают мои дети и внуки. Никто не имеет права сказать, что тот – осетин, а тот – грузин. Я никогда не ценила людей по национальности. В человеке в первую очередь вижу и ценю человека, его личные качества. И какая разница, кто он – осетин, русский, татарин. Для меня национальность не имеет никакого значения. Мы все вместе росли. Я танцевала в институтском ансамбле. Руководителем был осетин Отар Сиукаев. Никогда я не испытывала никакого давления. И сейчас приходят осетины нашего поколения, которые не меньше меня хотят восстановить прежние взаимоотношения. И никому не удастся убедить меня в том, что осетины ненавидят нас. Хотя сейчас первая проблема и у них, и у нас – это образование. Уровень гражданского образования низок, низок и уровень классического образования, уровень толерантности с той и другой стороны низкий. Я, конечно, не говорю обо всех. Не дай Бог, чтоб это касалось всех. Но над этим вопросом надо ещё очень много работать. Надо убедить друг друга, что мы не враги, надо зародить в душе каждого чувство любви. Я очень люблю два слова: «генацвале» и «любовь». Если этого не будет, то общество погибнет. Погибнет тот народ, который не будет знать, что такое любовь, который не будет знать цену и значение слова «генацвале».

***М. М. житель села Двани Карельского муниципалитета,
учитель, 47 лет***

Родился я в селе Двани Карельского района. С первого по шестой класс включительно учился в Двани, в своём родном селе. А после окончания шестого класса учёбу продолжил во второй средней школе города Цхинвали, потом служил в рядах Советской армии. После поступил в Цхинвальский педагогический институт, в котором проучился всего год. Через год произошёл этот этнический конфликт, который впоследствии приобрёл необратимый процесс и дошёл сегодня до такого уровня и грузин, и осетин. Вот этих этнических представителей.

Вообще конфликт разгорелся и начался, и особенно напряжённый характер приобрёл с 23-го ноября 1990 года. Тогда Звиад Гамсахурдия ещё не был президентом. Он собирался провести в Цхинвали митинг. Точно помню, было 23 ноября. А когда проснулся 24-го ноября оказалось, что в соседнем селе Мугути уже установили пикет, сделанный спонтанно, который создали несколько человек. За этим последовал ответный пикет с этой стороны. Ну, впоследствии началась так называемая эпоха пикетов. Тогда ситуация ещё не переросла в напряжённое противостояние. Знаете, какими были тогда люди? Фактически тогда ещё боялись закона. Часть людей уже ушла, часть подчинялась закону, но постепенно начиналось нарушение законов и всё это перерастало в активную фазу конфликта. За этим последовало обострение и отсюда, и оттуда – с обеих сторон, и приобретало постепенно нарастающий характер. Всё это приносило отрицательные результаты для обеих сторон – как для грузинской, так и для осетинской стороны, потому что конфликт никогда и никому не приносил добра. И разрушались такие вековые связи, как родственные, терялась любовь и совместные этнические взаимоотношения, которые формировались на протяжении веков.

Грузины и осетины были родственными народами, и в своём детстве я никогда не слышал, чтобы была какая-то граница между осетинами и грузинами. И было очень много смешанных семей и раньше это никому не приносило никакого дискомфорта. Как раз после этого периода оказалось, что эти люди стоят по разные стороны баррикад..., и это было большим бедствием для многих людей. И представьте, даже стали рушиться семьи. Были зафиксированы случаи, когда муж и жена относились к разным этническим группам и семья разрушилась на почве политической ориентации. Всё это, конечно, было очень плохо. И имело негативное отражение как для грузинской, так и для осетинской стороны.

Моей деревни конфликт коснулся также, как и всех сёл нашего региона. Так всё это коснулось, что фактически сознание людей переключилось на какой-то непонятный режим войны. Психологически люди уже были пропитаны отрицательным негативом, люди были настроены отрицательно. И здесь люди впервые за много лет увидели несостоятельность правительства в урегулировании конфликта. И не знаю как сказать, но происходило на глазах перерождение менталитета людей. И естественно, это не было прогрессивным, наоборот, было регрессивным, так как было основано на насилии, мести, реваншизме и этнической ненависти. Всё это было ужасно. Тогдашние корни очень плохо отразились на менталитете последующих поколений. Ещё раз отмечаю – для обеих сторон.

У мира нет альтернативы. Всегда и везде скажу эти слова, что у мира нет альтернативы... Затем конфликт постепенно стал угасать. И в этом огромную роль сыграл четырёхсторонний мандат мирного договора. По-моему, это был Дагомысский договор. И после него конфликт стал вроде затихать. И после этого, когда страсти стали затихать, люди начали думать и осознать, что произошло между этими двумя этническими группами. И вот очень многие, правда в кулуарах, очень многие люди признавались, что это был бессмысленный конфликт. Это происходило в кулуарах потому, что существовали реакционные силы как в грузинской, так и в осетинской стороне, которые эту информацию явно скрывали. Их устраивало разжигание конфликта.

И вот эти простые люди, трудящиеся люди, которые были в большинстве на обеих сторонах, в этом случае молчали. Они были вынуждены молчать, поскольку они не могли зафиксировать своё мнение. Потому что они боялись реакционных сил, той реакционной части. Но самое главное было то, что люди стали задумываться над тем, что это всё не имело смысла: бессмысленное кровопролитие, жертвы, смерть ни в чём неповинных людей. Потихоньку начали восстанавливаться взаимоотношения. Первые взаимоотношения начались, в основном, с торговой точки зрения. Возобновились родственные связи, вспомнили кумовство и так далее. Вновь стали ходить друг к другу, открылись дороги, вроде и страсти понемногу улеглись, установился относительный мир. Даже был вроде такой момент, когда примирению ничего не должно было помешать. Но почему-то, к сожалению, появились те реакционные элементы, которых было немного, но в любом случае они смогли изменить погоду. Появились и делали провокационные выпады, фиксирую, с обеих сторон. И эти провокационные выпады снова и снова разрушали с таким трудом построенный мир. И приходилось опять с самого начала бороться за мир. И этот процесс продолжался.

В основном, внутренняя вера и внутреннее состояние большинства людей было таково, что люди должны были примириться. Была такая психологическая готовность к примирению. Этому, несомнен-

но, способствовали и Эргнетский базар, и экономические связи между собой... Так было почти до 2003-го года. Я вспоминаю период президентского правления Чибирова, когда почти ничего не оставалось до того, чтобы оформить это юридически, чтобы был подписан какой-то мирный договор. У меня была на это надежда. Но, к сожалению, этого не произошло.

Да, потом уже с 2004 года начинается вторая фаза. Наше грузинское правительство начало разговор о том, что Эргнети – эта «чёрная дыра», чёрная дыра экономики. Здесь были доходы, которые не облагались налогом. И началась процедура закрытия Эргнетского базара. После закрытия базара в Эргнети началось вновь напряжение, провокации, опять начались двусторонние провокации и после 2004 года начался каскад провокаций, напряжение в отношениях. Вот, после провокации бывал взрыв напряжённости, который перерастал в двухстороннюю стрельбу, в конфликт, в кровопролитие. Затем опять стихало, проходило несколько месяцев, вроде бы устанавливался мир, а затем всё начиналось сначала. Такие очаги напряжения были и в 2005-ом, и в шестом, и в седьмом. Были не только очаги напряжения, но и столкновения, результатом которых были кровь и жертвы. Вот так дошли до 2008 года.

2008 год – это самый страшный сон, который может присниться человеку. В 2008 году, когда началась эта страшная война, стрельба, седьмого августа мы оставили деревню, потому что здесь уже невозможно было оставаться. Мы ушли к родственникам и приблизительно в течение двух месяцев укрывались у родственников. Затем, когда в деревню вошла грузинская полиция и русская армия оставила нашу территорию, тогда мы вернулись в деревню. Вернулись, но деревня была в ужасном состоянии. Около пяти десятков домов были сожжены, разрушены, дома сравнивали с землёй. Нас встретила разграбленная деревня. Погибли люди. Лично у меня в этой стычке убили дядю, брата отца. Лично для меня, как учителя, тяжелее всего было то, что мой бывший ученик, который в то время служил в грузинской армии, погиб во время этой войны. Я очень болезненно воспринял его смерть, страшно переживал. Погиб совсем молодой восемнадцатилетний парень. Мой дом не был сожжён. Но какая разница? Ведь сгорели дома у других. Это значит и у меня. Я думаю так, что во время всего этого конфликта сожжённые дома осетин или грузин, погибшие с обеих сторон люди – это все мои. Потому что это бессмысленный конфликт.

В 2013 году российский режим начал свой процесс бордеризации. Нарушились испокон веков установленные ещё нашими прадедами так называемые границы между нашей деревней и соседней осетинской деревней Мугути. Вот эти границы нарушили русские оккупационные силы. И так оказалось, что наши земли оказались за так называемой границей. И теперь эти земли принадлежат осетинской стороне.

Лично мой участок, почти один гектар, оказался по ту сторону и я остался без земли. И вы понимаете, что представляет собой жизнь крестьянина без земли. И я не один такой. Примерно семьдесят гектаров участков нашей деревни оказались по ту сторону проволочных ограждений. В этом случае, я думаю, совершенно незаконно.

Цена конфликта огромная, все заплатили очень большую цену. Я здесь меньше говорю о личном, хотя каждый лично тоже заплатил немало. Лично я больше говорю о психологической цене, лично я получил очень большую травму. Вообще, что было у меня самое лучшее, лучший период моей жизни – молодость пожертвовал этому конфликту. Сколько было потрачено нервов и переживаний во время этого конфликта. Наверное, всю мою жизнь мучает и будет мучить, пока урегулируется этот конфликт, дума о том, почему начался этот конфликт и как надо его урегулировать. По-моему, это самая большая цена. Цена настолько велика, что это отразилось на моём здоровье. Прошлым летом перенёс инфаркт, был сильный приступ сердца, так что чуть не распрощался с жизнью. Это, я думаю, всё результат тех многолетних переживаний, тех страшных событий, которые прошли перед моими глазами. Боль тех лет отразилась на здоровье.

Что касается материальных потерь, то об этом не стоит много говорить... Материальная цена – хотя бы это то, что моя семья осталась без земельного участка, естественно, в связи с этим без доходов. Но я ещё раз повторюсь и скажу, что это второстепенное. Я из-за этого переживаю меньше. Больше переживаю за то, что между братскими народами разрушен мост. Больше всего болит душа потому, что наши дети, последующие поколения вырастут так, что никогда не пройдутся по улицам Цхинвали. А в Цхинвали вырастет то поколение, которое никогда не пройдёт по нашей стороне. И они будут отчуждены друг от друга. Они никогда не будут знать и никогда не поверят в то тепло и любовь, которые существовали между грузинами и осетинами. Например, мне очень больно и обидно, что моя школа сгорела, четвёртая средняя школа Цхинвали. Самые лучшие воспоминания связаны у меня со своей школой. И я никогда не смогу прийти в мою школу и не смогу вспомнить лучшие годы детства. Ведь это цена, бесспорно дорогая цена.

И чтобы не быть тенденциозным, скажу, что такую же цену заплатила другая сторона, потому что я уверен в том, что очень много людей думают также, как думаю я. И они тоже уверены, что у мира нет альтернативы. Цена, которую заплатили обе стороны, была огромная. У войны большой живот. И для того чтобы наполнить брюхо войны, пришлось заплатить очень дорого как грузинской, так и осетинской стороне.

До войны вообще ... не существовало такого понятия осетин ли, русский ли. Не было деления и дифференциации на грузин и осетин. У нас были очень хорошие взаимоотношения. Перед четвёртой школой была вторая школа. С ребятами из этой школы были хорошие дружеские отношения. Также хорошие отношения были с ребятами из шестой школы. Также было много соседей осетин. Затем год проработал в «Электровибромашине». Там много сотрудников было осетин. С ними у меня были прекрасные отношения. Тогда не было между нами никаких противостояний. Сейчас всё время думаю и никак не могу понять, что за сила была, которая смогла разрушить эти взаимоотношения. По всем правилам не должны были разрушиться эти отношения. Но после конфликта уже не стало этих взаимоотношений, прекратились.

В данный момент живу в деревне, окружённой проволочными заграждениями. Иногда кажется, что живу в каком-то гетто, в какой-то ограждённой колонии. Сейчас не знаю, но всё-таки думаю, что родственность этих двух народов, любовь и те корни, которые были, не смогут отделить эти железные проволочные заграждения. Придёт время, когда перережут эти проволоки и вновь обнимутся грузины и осетины, поцелуются и забудут то страшное прошлое, которое с ними произошло. Вновь откроют друг другу сердца и будут жить вместе.

Сейчас я работаю педагогом. Всегда стараюсь сказать своим ученикам, своим воспитанникам, чтоб они поняли и осознали, что насилие и война – страшное дело. Стараюсь, чтоб они не думали, что кто-то их враг. Их враг будет тот, кто будет призывать их к насилию и к ненависти к кому-то ни было. Нельзя, чтобы люди были врагами по этническим или политическим признакам.

В будущее смотрю так: уверен, что это вопрос времени, что грузины и осетины будут опять жить вместе. Обязательно состоится большой консенсус. Но на это нужно время, для этого нужны прогрессивно мыслящие люди. Наверное, придёт то прогрессивно мыслящее крыло с обеих сторон и дойдёт до консенсуса, который потом целиком поведёт нации ко всеобщему примирению. В этом может большую роль сыграть церковь. Может, большую роль могут сыграть неправительственные организации, может, и журналисты. Может большую роль сыграет экономика, торговые отношения. Не знаю. Но думаю, надо испробовать все пути, надо сделать все шаги. Все прогрессивно мыслящие грузины и осетины должны сделать этот шаг. Тем более, сейчас двадцать первый век, интернет всем доступен. И хотя бы на виртуальном уровне возможны взаимоотношения. И сейчас я призываю всех прогрессивно мыслящих грузин и осетин – станем плечом к плечу и скажем друг другу, что нет альтернативы у мира!

* * *

***Н. М. жительница села Никози Горийского муниципалитета,
29 лет***

Я родилась в городе Цхинвали. У меня есть мать и две сестры. Отец скончался в 2010 году. И у меня, и у сестёр есть семьи. В данный момент живём вместе с мамой и бабушкой. Бабушка инвалид и за ней нужен уход. У меня один сын, с мужем в разводе. Окончила Цхинвальский государственный университет, в городе Гори с 2007 года. Весной 2008 года начала работать в миротворческих силах – в фирме «Эксмед» менеджером кухни. К сожалению, из-за известных явлений осталась без работы, поскольку у всех баз были свои собственные менеджеры. А у меня не было такого большого опыта, чтобы перейти работать на другую базу. Затем начала работать в местном магазине, а потом попала на информационную встречу женской ассоциации «Танхмоба» («Согласие») и до сегодняшнего дня работаю здесь.

Наверное, наше поколение – поколение 80-х, поколение самой сложной судьбы, потому что мы стали свидетелями многих конфликтов. Это и 9-ое апреля 1989 года, конфликт 92-го года, постоянный страх. Период 2004, когда постоянно была стрельба, напряжение. Хотя мы с моими одноклассниками часто шутили, что мы родились в войне, росли в войне и учимся в войне и, наверное, семьей обзаведёмся тоже в войне. Так и произошло. Я хорошо не помню этот период, но по рассказам близких знаю, что тогда происходило. Хотя взаимоотношения тогда были более тёплыми. Я помню, что до 2006-2007 года население обыкновенно входило в Цхинвали, были родственные связи. В 2006 году я крестила осетинскую девочку, с которой поддерживаю отношения до сегодняшнего дня. Конечно, только по телефону и интернету. У неё уже есть семья, ребёнок, она живет в Цхинвали. У неё мать – грузинка, а отец – осетин. Она не может выйти из Цхинвали. Брат у неё работает, она считается с этим, чтобы он не потерял работу. После 2008 года взаимоотношения очень накалились, закрылась граница. До этого граница не была закрыта, отношения постепенно налаживались, но потом всё это исчезло. Наверное, в будущем эти взаимоотношения опять восстановятся. Хотя то, что я помню – с 95-го до 2005 года был хороший период.

Когда работал базар в Эргнети, свободно входили в Цхинвали, потому что жили так близко, что население собственную продукцию привозило в Цхинвали на телегах, там что-то продавали и что-то по-

купали взамен. Были очень хорошие отношения. Звонили по телефону и говорили, что им было нужно привезти или что-то надо было брать даром, а заплатить через несколько дней или даже месяцев. Люди доверяли друг другу. Приезжали, продавался выращенный на месте урожай, вывозили товар в Орджоникидзе, был доход, деревня была экономически сильная. У населения тогда было много яблок, брали земли в аренду. И тогда нуждался только очень ленивый человек. В частности, благодаря Богу, не помню такого, чтоб наша семья так нуждалась, чтоб не было надежды на будущее. Отец и мать всегда всё делали для того, чтобы мы ни в чём не нуждались. Вокруг нас и другие жили также, чего нельзя сказать о сегодняшнем положении...

Вот так дошли до 2008 года. Я работала в миротворческих силах и, соответственно, каждый вечер у меня была информация о том, будет ли стрельба. Знали, что у меня был маленький ребёнок и сестра в положении. Говорили, что сегодня будет стрельба и если боитесь, то уходите из деревни. Всегда вечером старалась проводить младшую сестру, она по натуре очень эмоциональная. Помните, наверное, что тогда на обходной дороге взорвали машину Санакоева (*Димитрий Санакоев – управлял временной администрацией Южной Осетии. До августовской войны его машину взорвали на дороге Эредви-Курта*). Затем были ранены несколько ребят из Авневи. Одним словом, было такое положение – каждый день стреляли. Во время одной такой перестрелки очень испугалась моя младшая беременная сестра. Вначале она ничего не говорила, но вскоре заметила, что ребёнок не шевелится. Пошли к врачу. Оказалось, что у ребёнка разорвалось сердце. Так что, к сожалению, моя сестра потеряла своего ребёнка. Но, слава Богу, сестра осталась сама жива и здорова. И через год она родила прекрасного малыша. Вечером 7-го августа 2008 года я поехала в Гори получать зарплату. Происходила ротация, которая была запланирована накануне. В Никози на базе миротворцев находилась первая танковая бригада и на её место должна была прийти Горийская танковая часть. Поэтому я не очень удивилась передвижению танков и успокаивала население, говорила им, что это обыкновенная ротация. Один из солдат, который сидел на бронемашине, в моём дворе остановил машину и попросил, что вернётся 10-го и заберёт машину. Я, конечно, не отказала. Когда я вместе со своим начальником ехала в Гори, позвонили из Тбилисского офиса и сказали, что есть угроза того, что может начаться война, поэтому оставьте базу. И попросили, чтобы я на чип записала информацию о том, что я делала на работе и отвезла в Тбилиси... Вернулась из Гори, позвонила домой и попросила маму, чтоб они вместе

с сёстрами приготовились. Я собиралась сразу же поехать в Тбилиси. Не соглашалась ехать старшая сестра, так как её муж служил в армии. Оба зятя в армии. Но позвонил мой зять и сказал строго, чтобы обязательно уходили. Так случилось, что когда приехала, то позвонил один мой товарищ, который служил в армии, и сказал, что он сбежал, купил одежду и хочет свой рюкзак оставить у нас. Я согласилась. Позвонила маме и сказала, что приедет этот парень на машине. И тогда поняла, что на поезд я уже не успею и поскольку танки передвигались так интенсивно, то возможно, что и транспорта не будет. Попросила этого парня, чтобы он подождал и на его машине поедem до Гори, а потом на поезде поехали бы в Тбилиси. Этот человек согласился. Я побежала на работу. В то время уже бомбили сторону Авневи и горели поля. Все смотрели на меня с удивлением: ты же видишь, что происходит, почему вернулась. Но мне обязательно надо было забрать с работы чип с информацией и отвезти его в Тбилиси. В это время приехал мой товарищ, оставил свой багаж. Мы сели в его машину и приехали в Тедоцминда (*деревня около Гори*). Приблизительно через 15 минут приехал поезд. Люди были в панике, потому что в Хвити упали бомбы и окна в поезде были разбиты. Люди рассказывали, что им пришлось лежать на полу. Я представила себе, что было бы, если мы тоже были бы в поезде. Слава Богу, мы избежали этого. Ночью позвонила маме на телефон соседки. Соседка сказала, что у телефона испортился экран и она не увидела, кто ей звонит. Она думала, что звонила её невестка. В дом Циры попала бомба, все были там, она пошла домой, чтоб узнать не случилось ли чего с её домом. Я подумала, что сейчас они мне не скажут правды и попросила, чтобы она дала мне возможность поговорить с мамой. Она ответила, чтобы я позвонила через некоторое время. Когда услышала голос мамы, немного успокоилась и догадалась, что все женщины были в подвале. Отец был инвалид, передвигался с палкой и ходил очень медленно. Он сказал, чтобы я не переживала, что все живы, но дом очень сильно пострадал. Но за дом мы уже не думали... И ещё сказал, что утром будет сюжет по телевидению на канале Рустави-2. Я включила телевизор и увидела в каком состоянии был мой дом. Парадокс, но когда бомбили миротворческую часть, то первая бомба попала в мой кабинет. А когда бомбили деревню, то первая бомба попала в мой дом. Слава Богу, что все остались живы. Затем был период ожидания, пока мать и отец не приехали в Тбилиси. Было 11-ое число. Мама не знала, что и Гори бомбили. Она с большим трудом смогла привезти отца. Парень из соседней деревни перевозил вещи на так называемой «трангалетке» и отца как-то

смогли туда посадить. А она шла за ним пешком. Когда приехали в Гори, то она позвонила с мобильного телефона полицейского. Когда я увидела незнакомый номер, то сразу же перезвонила. Парень сказал, что они уже ушли. Я попросила его догнать их и спросить, что они собираются делать. Как видно, из центра Гори выходило какое-то такси. Водитель такси запросил 80 лари. Там ожидали ещё два парня. И моя мама предложила им поделить плату за проезд. Но уребят было всего 35 лари. Мама добавила им пять лари и они кое-как добрались до Тбилиси. В Дидубе они сели в такси, чтобы добраться до дома. И тот водитель не взял у них денег. Когда родители пришли, я посмотрела на отца. Никогда не забуду его глаза, в которых был страх, в них было какое-то неземное выражение. Видно было, что по дороге он видел много страшного. Вообще, он был очень гордым человеком. И после того, как у него был удар и он ходил с палкой, всё время говорил, что ему больно смотреть как мать и мы делали мужское дело. И вот за эти дни, когда он увидел свой разрушенный дом, построенный своими руками, он всё пережил очень тяжело. Я считаю, что он потерял за эти несколько дней полжизни.

Бабушка осталась дома, она не поехала. Она рассказывала, что 13-14 августа в деревню вошли осетинские мародёры. Они забрали ту машину, которую оставил у нас во дворе один солдат. До этого я звонила соседям и просила, что у меня есть разрешение от того человека, заведите как-нибудь машину, посадите силой бабушку, сами тоже садитесь и выходите из деревни. Но не удалось им выехать. Всё, что было дома приготовлено и сложено в ящики, тоже забрали вместе с машиной. Соседка рассказывала, что они очень боялись, спрятали в кустах солдатские формы. Когда вошли осетины, то спросили, что у вас в доме есть военные. Соседка начала плакать и сказала, что у них зять был военным, но они давно развелись и формы остались от него. Они забрали и эти формы. Также опустошили соседские дома. У кого-то забрали мотоцикл, у кого-то вещи вынесли из дома. Затем мама рассказывала, что осетины одели грузинскую форму и совершали непристойные поступки. Всё это снимали. И было так видно, будто это всё делали грузины, так как на формах был грузинский флаг и грузинские имена. И трудно было идентифицировать, кто в этой форме. Но мама узнала форму своего зятя, хотя точно знала, что это не он. У бабушки в Ачабети (*деревня в ущелье Большого Лиахви*) была замужем сестра. Они не ушли. У её мужа был друг-осетин и у него был осетинский паспорт. Поэтому он считал, что с ним и его семьёй ничего не будет. Только отправил оттуда детей. Но, к сожалению, их

замучили и убили казаки. Одним словом, погибли эти люди страшной смертью. Поэтому мы переживали за бабушку. В какой-то период заходили маршрутки. Стояли русские, но маршрутки ездили. Также хочу отметить, что очень покровительствовал и помогал преподобный отец (*митрополит Цхинвальско-Никозской епархии Исаия Чантурия*) тем, кто остался в деревне. Даже русские солдаты подавали ему воду. И если кто-то передвигался, то тому повязывали белую ленту. Моя соседка рассказывала, что часто ходила проводить дом своего сына. И ей привязали белую ленту, что означало, что она представитель мирного населения. Когда бабушку привезли в Тбилиси, то отец уже не хотел оставаться в Тбилиси и всё время говорил, что хочет вернуться домой. И в начале сентября отец вернулся. Мама была то с нами, то приезжала и привозила еду для отца и бабушки. И в один день решила поехать домой. И, наверное, она ещё не доехала до Гори, как позвонил телефон и кто-то спрашивает меня: «Ты Нино?» Я ответила, что да, это я. Уточнили, что ты дочь Гии. Я ответила, что я его дочь и что случилось. По телефону сказали, что похитили, увезли. Я очень растерялась и не понимала кого похитили. В конце концов выяснила, что похитили моего отца, его увезли русские. К счастью, я знала номера горячих линий. Стала повсюду звонить и объяснять положение, что это точная информация. Оказалось, что отец сидел на улице, на виллисе ехали пьяные осетины, увидели отца с палкой и спросили: «Танкист?». Отцу после болезни было трудно говорить, тем более ответить по-русски и он сказал, что был танкистом. И вот его посадили в машину и повезли в сторону Авневи. Там у них испортилась машина и отца пешком повели в Цхинвали. Потом отец рассказывал, что по дороге ставили его около какой-нибудь ямы, щёлкали автоматом и ругали матом. Отец говорил, что в душе он тоже ругался. Это увидел сосед и побежал к преподобному отцу. Преподобный позвонил Кулахметову и тот отдал приказ, чтоб отца привезли на пост, где сейчас стоят грузины, тогда там были русские. И вот отца привезли на этот пост и там высадили. Затем, когда приезжали журналисты и спрашивали отца об этом случае, то он очень нервничал, не хотел вспоминать об этом. Он всё говорил, что я уже рассказал обо всём, он злился уже и говорил, что устал. Мы объясняли ему, что это разные журналисты. Про отца есть и сюжет, сохранился у нас. Вот это и есть наша плата за этот конфликт. Дом разрушен, у отца было пошатнувшееся здоровье, а после этого состояние его здоровье ухудшилось. А в 2010 году его сердце не выдержало и он скончался. Мы старались сделать всё возможное, но у него был тромб. Когда мы заметили, что ему уже стало очень плохо,

то мы с мамой нашли кое-какие средства и собственными руками починили потолок и обклеили обоями стены в двух комнатах. Что если что-то случится с отцом, чтоб хоть две комнаты были чистыми. У нас восемь комнат и во всех комнатах потолок был на полу. Потихоньку стараемся восстановить. После войны была выделена помощь, но нам сказали, что на наш дом деньги не полагается выделить, должны были выделить строительный материал. Но оказалось, что материал был не полностью. Также не дали рабочую силу. А рабочие сейчас стоят дорого. А делать ещё много надо. Вот и стараемся понемножку что-то делать собственными силами и средствами. Нелегко всё это вспоминать, хотя считаю, что нужно об этом всем знать.

Я была в десятом классе, когда у отца случился инфаркт. Моя сестра в тот год заканчивала школу. Несмотря на то, что отцу понадобилось длительное лечение, мама сделала абсолютно всё для того, чтобы мы получили образование. У нас не пропал ни один год. Сестра поступила в тот же год, на следующий год поступила я. Я могу сказать, что у меня было беззаботное студенчество, я ни в чём не нуждалась. И мама стала для меня той мотивацией, чтоб в будущем я сделала что-то такое, достигла своими знаниями столько, чтоб я смогла отплатить матери за этот труд, встать с ней рядом. Помочь ей хотя бы финансово, чтоб она что-то могла бы сделать для дома. Я хотела ей всячески облегчить жизнь. Поэтому мама для меня была и всегда будет стимулом, мотиватором.

Как уже отмечала, после войны прошла много ступеней и в 2010 году попала на информационную встречу женской ассоциации «Танхмоба» (Согласие). Там были бесплатные курсы обучения компьютеру. Население требовало, что раз компьютер вошёл в нашу жизнь и везде требуется знание компьютера, то нужно было обучение. Раз у меня уже был опыт работы, то мне предложили... что я пройду переподготовку и в дальнейшем буду обучать других. Не думаю, чтобы какой-нибудь нормальный человек отказался от такого предложения. Я пришла туда для того, чтобы дополнительно научиться чему-нибудь, хотела найти хорошую работу. А здесь предлагали переподготовить, и в дальнейшем платили бы за то, чтобы я учила других. Конечно, я согласилась с большой радостью. В 2010 году начала работать. В этой организации я научилась очень многому, можно сказать окончила второй и третий университеты. Прошла много тренингов, семинаров, научилась как можно помочь другим людям, как использовать собственные знания, как идентифицировать проблему, как провести исследование, как можно собрать вокруг себя активных людей. Мы

создали офис, который оснащён интернетом. Здесь есть ксерокс. И всё это обслуживание бесплатно для людей. Всё это и опыт работы принесли доверие и в общине. Соответственно, мы являемся теперь как бы посредниками между правительством и местной властью. Тот путь, который я прошла за эти годы, я считаю, что помог мне стать тем человеком, каким я стала сегодня. И может моё сказанное звучит очень громко и высокопарно, но я считаю, что сегодня я успешный человек.

Что касается моей жизни и, в частности, жизни моей семьи, то, конечно, проблемы есть везде, хотя всё сравнительно. Возможно, что человек, который выше меня рангом, сравнит мой быт со своим и скажет, что мне многого не достаёт. Хотя, когда я смотрю на окружающих меня людей, то вижу сколько им всего нужно, сколько всего не хватает. У многих людей нет средств на то, чтобы купить необходимые вещи своему ребёнку. Слава Богу, я так не нуждаюсь. У меня есть мать, есть необыкновенный сын, есть очень хорошая работа. Считаю, что могу реализовать свои возможности на своей работе. На работе я и начальник, и подчинённый. И я не просто выполняю полученные задания, а делаю нужное дело для общины. Но если перейти конкретно на быт общины, то если до войны был средний уровень жизни, богатый и более богатый слой населения, то после войны уже есть средний слой, ниже среднего, бедный и нищий. Есть люди, которые борются за существование, у них очень много проблем, им нужна очень большая помощь, так как они во многом нуждаются. В первую очередь им нужна финансовая помощь. Всё хорошо и нужно: вода 24 часа, 24 часа газ и свет. Но всё это в конце месяца надо оплачивать из собственных средств. Поэтому если я обделила себя теплом, то это для того чтобы меньше платить в конце месяца. А если не зажгла свет из-за финансов... То это уже не жизнь.

Между нами, грузинами и осетинами, существует очень большая сила, которая осуществляет большую войну между нами как информационную, так и войну другого вида. Хотя я верю, глубоко уверена в том, что именно те человеческие ресурсы, родственные связи дают большие возможности, так как происходит прямой обмен информацией, даже когда мы здесь, в Никози. Однажды, когда в Цхинвали приезжал Медведев, наш преподобный отец сказал очень хорошую фразу – «Если бы был такой человек, ну, хороший толкатель ядра, то отсюда можно попасть камнем в Медведева». Эту фразу надо правильно понимать. Это означает, что мы настолько близки друг другу и о тех хороших делах, которые будут сделаны здесь, обязательно узнают на той

стороне. Например, когда увидят освещённый Никози или из Цхинвали очень хорошо видна наша прекрасная амбулатория. Когда увидят хорошие дома, увидят сильных людей, работающих в садах, когда всё будет цвести, будут развлечения, пройдут мероприятия, увидят своими глазами, а не понаслышке, тогда, я думаю, произойдёт сближение людей. Все эти факторы будут способствовать мирному урегулированию. А эти проволочные заграждения, я думаю, что это не барьеры для взаимоотношений. Тем более, что существуют родственные связи.

Конечно, нельзя обвинять только одну сторону в этом конфликте, виноваты обе стороны. Обязательно нужно отметить и то, что на войне не стреляют ватой. Поэтому самым значительным является то, что обе стороны должны активно работать с молодёжью. Потому что те дружеские отношения, которые были между людьми старшего поколения, невозможно порвать. Не могу описать сколько они делают для того, чтобы сохранить эти взаимоотношения. Конечно, всё это делается скрытно из-за разных причин, так как они боятся. Мы должны понимать почему они всего этого боятся. Но в будущем, я надеюсь, придёт время, когда хотя бы в Никози за круглым столом сядут молодые люди с обеих сторон и будут говорить о будущем и о том, как хорошо жить в мирной, полной молодёжью стране. Посмотрим, что будет. Спасибо Господу, что сегодня происходят встречи. И эти связи не должны прерываться. Даже если это совсем маленькие нити, которые существуют между нами, нам надо идти за ними, чтоб впоследствии эти нити превратились в большой клубок и в конце получили что-то большое и хорошее.

* * *

***Т. Г. житель деревни Зардиаанткари Горийского муниципалитета,
70 лет***

Родился в деревне Зардиаанткари в сорок пятом, когда вернулся отец с фронта. Отец был четыре года на войне. Здесь вырос. Окончил сельскохозяйственный техникум. С самого начала и до сегодняшнего дня работаю шофёром. Где только не приходилось работать: в Гори, в Тбилиси.

В девяносто втором началась война, потом в 2008-ом – опять война. Оставили здешние места на четыре года. Куда бегу, туда с собой вожу жену с детьми. В 2008 году в августе было очень плохо, тяжёлые были дни. Мы не уходили из деревни. Всё время была стрельба. Вот, видите все стены обстреляны, шифер весь в дырках. Но мы не уходили. Но когда 13-го стали жечь село Дисеви, мы очень испугались. Потом стали поджигать дома и в нашем селе. Сожгли четыре семьи. После этого мы были вынуждены бежать, так как испугались, что нас ожидает тоже самое. Жгли всё подряд. Целый день мы шли пешком. Пришли в Сатемо, затем пошли в Церовани. Там нас кто-то приютил. Затем пешком пошли в Игоети. Из Тбилиси приехал зять и забрал нас в Тбилиси. В Тбилиси мы зашли в какой-то детский сад. Оттуда нас выселили и послали в Гори. Там нам дали комнату в детском саду Лали Баиадзе. Там прожили мы довольно долго, больше трёх лет. Иногда тайком пробирались в свою деревню, но делать там ничего не могли. Весь сад засох. Жалко людей, деревню жалко. Да, разве только эта деревня в таком положении – Кошка, Мерети и другие деревни. Ведь у людей даже на еду нет яблок, не то что на продажу. Все сады засохли. Сейчас стараются сделать новую оросительную систему. Не знаю, что из этого выйдет. Если людям социально чем-то не помочь, то не знаю что будет с ними. Правда, я не совсем умираю с голода, есть у меня немного вина. Но ведь нужно еще что-то. Нужно иметь хоть немного денег, чтоб саженцы посадить, сад обработать химикатами. Вот во время Саакашвили хоть иногда муку раздавали, макароны, постное масло. А сейчас есть мы или нет – никто на нас внимания не обращает.

О цене конфликта спрашиваете вы, вот, забрали некоторые вещи, машину сожгли. Хорошо ещё, что дом не сожгли. Хотя дом был повреждён. Сады высохли. Ведь четыре года не поливали, не обрезали, не ухаживали за деревьями. Вот так и живём. Конечно, после всех этих переживаний появились и болезни. Ведь нервничаешь, когда по-

кидаешь свой родной дом и кров. Все жители Кошка и Гугутианткари в таком же положении. Столько полиции здесь стоит, людей не живет столько, но всё равно живём под постоянным страхом. Каждый день стрельба. Всего в ста метрах отсюда стоит русская армия. Устали от всего этого так, что порой и страха не чувствуем. Я отсюда уже никуда не уйду, даже если завтра придут сюда. Куда пойдёшь, если опять начнётся война? Да хранит нас Бог! Главное, чтобы был мир.

Я работал в Цхинвали целых 12 лет, работал в «Сельхозтехнике» на машине. Были хорошими друзьями, были очень хорошие взаимоотношения. Часто вместе сидели за одним столом. И сейчас здесь живут осетины из нашего села. В любое время можешь пойти к ним в гости. Они живут около поста, не у русского, а около нашего. Нас пускают, знают, что мы вместе. Так что живу вот так потихоньку. Семья, жена, дети, внуки.

Сейчас уже не знаю ничего как на той стороне мои знакомые. Многие умерли, наверное, некоторые уехали. Потерялись взаимоотношения. Потому что мы даже номера телефонов друг друга не знаем. И встречаться никак не можем. У кого родственники во Владикавказе, то они им звонят. Я тоже хотел бы позвонить знакомым, опять дружить с ними. Ведь, наверное, не все погибли или умерли? Как мы живём, так и они. Хотелось бы пойти к старым друзьям. Ведь везде есть и плохие, и хорошие люди. Я так скажу – если бы сейчас открыли дорогу, то многие смогли бы войти, но есть люди, которые не смогли бы. Если кто-то совершил плохое дело, то он, конечно, не сможет войти. А тот, кто сохранил честь, порядочность, был и остался нормальным человеком и не совершил ничего преступного, так того и впустят, и выпустят. А плохого человека ни туда не впустят и оттуда не выпустят.

Вот что я делаю ежедневно. У меня одна корова и телёнок, я ухаживаю за ними. Сейчас потихоньку восстанавливаю сад, привил виноград, сажаю новые деревья. Потихоньку работаю, стараюсь что-то делать. Но вся беда в том, что нет воды. А что крестьянин может сделать без воды? Не пускают осетины воду в нашу сторону.

Я думаю, что мы все равно должны идти вперёд. Ведь, не назад же возвращаться? Не знаю как будет. Может и они одумаются, чтобы были вместе и были в мире. В деревне у многих есть родственники на той стороне. Эти родственные отношения теряются, ведь русские ни нас туда не пускают, ни осетин. Поэтому связи теряются. Туда входят осетины и русские, а грузин туда не пускают. Много раз осетины отсюда вывозили яблоки во Владикавказ. Но бывает, что и их не вы-

пускают. Но они тоже стараются, мучаются. Мы выросли вместе и между нами нет вражды.

Тогда, во время войны, когда они вошли в нашу деревню, то всё жгли. Кто это делал, говорят то о тех и о других, но мы этого уже не знаем, ведь нас в то время уже не было в деревне. Кто это делал, люди из Хелчуа или приехавшие с Кавказа бойцы, кто его знает? Этот дом тоже хотели сжечь, но здесь осталось несколько ребят и они смогли спасти. Как где-то начинало гореть, они тушили. Спасли и дом моего двоюродного брата. Когда сожгли машину, тогда хотели сжечь и дом.

О сегодняшнем дне, знаешь, что я скажу тебе? В парламенте не ладят друг с другом. А если не будет мира и согласия в парламенте, то какой же мир можно наладить в стране. А нам простым людям что делать? От нас разве ничего не зависит? Всё зависит от государства и все проблемы должно решать оно, но мы тоже люди в нем. Что крестьяне ничего не могут сделать? Сколько бы я не говорил, ничего не выйдет? Простых людей почему никто не слушает? Они только едят и ругаются. Я не боюсь их, чего мне бояться, мне уже нечего терять. Я не позиция и не оппозиция. Я там, где хорошие и добрые люди. В деревнях люди недовольны, ругаются и говорят, кто ещё будет за них голосовать.

Полицейский пост делит деревню на две части. По ту сторону живут осетины из Зардиаанткари, у нас очень близкие отношения с местными осетинами. Можно сказать как члены одной семьи. Так что никто друг другу не скажет лишнего слова. Конечно, они тоже хотят мира. До каких пор будем с той и с этой стороны? Они такие же люди, как и мы. В конце концов, если война, то и мы бежим, и они бегут.

Во время 90-х мы смогли сохранить отношения. Мы всё делали для того, чтобы не разоряли и не жгли дома наших местных осетин. Тогда здесь не сожгли ни одного дома. Они, конечно, помнят все это, конечно, будут помнить хорошее. Если я помню, то и они помнят. Я думаю так, что если откроется граница и мы сможем свободно передвигаться и не будем бояться, что избыют нас там, то обязательно встретишь старого знакомого, родственника, что-то купишь, что-то продашь, и постепенно восстановятся прежние отношения. На всё нужно время.

Вот в Хелчуа идёт разговор об открытии дороги. Я так думаю, что они тоже очень хотят этого. Я сейчас ничего не говорю о Цхинвали, но точно знаю, что эти деревни хотят, чтоб открылась и люди могли бы свободно передвигаться и общаться друг с другом, были бы вместе и в горе, и радости. Мы ведь испокон веков были вместе. Дай Бог, чтобы был мир. У моего сына есть дом и здесь, и в Гори. А моему

внуку и этого дома хватит. Я с 64-го года за рулём. Правда, сейчас не работаю, нет работы. Но сегодня от Ленингори до Абхазии стоит русская армия. У нас нет такой армии. Да и техники, и людей у них больше. Я это хорошо знаю, так как раньше часто ездил в Россию. Мы хотим мира и это несомненно так. Мы все хотим мира и спокойствия. И сейчас неважно кто сытый, а кто голодный. Я думаю, что все должны работать и сообща делать все для мира. На правительство я уже не надеюсь. Социальную помощь сняли уже 7-8 месяцев. Недавно ещё раз проверили и сказали, если придут низкие баллы может опять назначат. Людям из Кошка, Гугутианткари, Зардиаанткари надо хоть немного помочь материально, дать хотя бы небольшую компенсацию. Разве я так должен жить. Раньше я собирал в своём саду 800 ящиков яблоч. Ведь если бы в течение семи лет я продавал свои яблоки, я бы так не жил и не ждал бы ни от кого помощи. Разве я так должен жить? Раньше ещё чем-то помогали. А то сейчас живём и мучаемся. Пенсия есть, но её не хватает на все нужды. Пока получу пенсию, она уже растрочена. Вот так я живу и мучаюсь, но все же это все лучше, чем война. Не дай бог, чтобы опять война.

* * *

Р. М. жительница села Цителубани Горийского муниципалитета
(в этой деревне рядом друг с другом живут грузины, осетины,
месхетинцы-репатрианты и экомигранты из Аджарии), **53 года**

Я родилась в Сачхерском районе в селе Саирхе, окончила Тбилисский техникум, отделение правоведения. С будущим супругом познакомилась в Тбилиси. Поженились и у нас родились сын и дочь. Жили в Тбилиси. Но в 89-ом году умер мой деверь. Мы не хотели оставлять родителей одних и вернулись жить в деревню. В 90-ом году, вернее, в 89-ом начались волнения. Затем немного вроде успокоилось, но в 90-ых опять возобновилось, в зимний период. Особенно всё это было тяжело для меня – скажут осетины что-нибудь плохое про грузин, мне было обидно, скажут грузины плохо про осетин – тоже обидно. В обоих случаях мне было тяжело это слушать. Но это было в Грузии и грузин это плохое настолько не касалось, больше осетин. Особенно в тот период. Цителубани была осетинская деревня, в основном там жили осетины. Прямо заходили в деревню и кричали: «Осетины, уходите!». Это были неформалы. Они кричали: «Осетины, убирайтесь!» и «Когда вы уйдете?» и подобные слова. Почти полдеревни тогда ушло. Но я не хотела уходить, так как у нас была смешанная семья. И я никак не хотела уходить из своей деревни. Но так случилось в одну ночь, что в дома трёх семей забросили лимонки, но мы всё-таки не уехали в Орджоникидзе. Поехали к моей матери в Сачхере. И прожили там где-то 4-5 месяцев. Но там произошло страшное землетрясение, то ли май был, то ли апрель. И когда произошли повторные толчки, то мы уже испугались и были вынуждены уехать в Орджоникидзе...Я тоже уехала, но через три месяца вернулись назад, потому что моего деверя не было в живых. Отсюда мы не забрали даже одной ложки, потому что в 89-ом ведь умер деверь и моя свекровь говорила, что как мы всё заберём, на чьей стене я буду вешать фото моего сына. И мы...остались.

Свёкор и свекровь не ушли и поэтому дом особо не пострадал, хотя неформалы ходили по деревне. Вот ещё вчера я вспоминала, что среди неформалов был один рачинец. А я из Рачи (*горный район Грузии*). И он мне всё время говорил, что я его землячка. Но я его очень боялась, этого человека, он всё время ходил с автоматом. Все ходили с оружием. И ещё у входа в деревню мужчины перекрывали дорогу. Срубили большое дерево и перекрыли дорогу. Ночью осетины перекрывали дорогу, а утром опять открывали. Но всё-таки произошёл один случай,

что забрали одного человека. Вообще, больше придирались к тем, у кого было много денег, хотя бывали случаи, что оскорбляли и других. Забрали одного человека, пытали, а потом убили. Хотя он не был богатым.

Потом, после 90-ых, как-то заморозился конфликт, в Эргнети открылся рынок. Ну, вот, большинство людей вернулось как только чуть-чуть успокоилась ситуация. Потому что с трудом привыкали к тому климату (*имеет ввиду Владикавказ*) и многие вернулись. Опять наладились отношения, стали переходить в Цхинвали, лично у меня был грузинский документ, свободно входила туда. И вообще была хорошая ситуация в то время, наладилась торголя.

Во время базара в Эргнети, вот у меня есть небольшой магазин, сейчас почти пустой, а тогда был полный. Потому что всё покупали дешево, покупали качественные продукты. Вот, например, мука здесь стоила дорого, там стоила дешевле. Ведь все знают, что по качеству русские продукты намного лучше турецких. В то время почти помирились. Была хорошая торговля. Приезжали грузины из Аджарии, Сачхере, что-то покупали или продавали. Из Батуми стояли большие машины с мандаринами. Одним словом, были очень хорошие взаимоотношения.

Затем в 2004 году закрывается базар. Немного, правда, усложнилось – уже не могли выходить и входить. Но было не так, как в 90-х. Тогда даже когда слышали осетинскую речь, уже была агрессия, а сейчас конечно же не так, нет. Наоборот, ситуация, можно сказать, улучшилась.

В августе 2008 первое, что было – выстрелили в Шавшвеби, когда хотели взорвать радар. Тогда я постаралась и вывезла детей в Тбилиси. А я старалась не уезжать, ведь дома были старики, скотина... Уехала потом, чтобы привезти продукты для магазина. Люди уже никуда не могли выходить. Но так случилось, я уехала и как раз в этот день танки стали около Игоети, и назад я уже не смогла вернуться. В деревне, правда, стояли танки, и страх был, само собой, но никто никому не принёс никакого вреда.

Я знаю один пример, который произошёл в Мерети. Сожгли дом одного человека, потому что в своё время, когда существовал базар в Эргнети, они вывезли отсюда большое количество горючего. А когда в 2004-ом закрылся базар, то они не заплатили за это горючее. Оттуда сообщали, просили, чтоб они заплатили... А потом взорвался как раз их дом... Сейчас не могу сказать, что это произошло именно поэтому, потому что сгорели и другие дома или это было сделано целенаправ-

ленно. В нашей деревне такого не было, чтобы кто-то взял что-нибудь в долг.

Как только танки вышли и было объявлено, что все могут вернуться, я вернулась в тот же день. Был трудный период, потому что что-то случилось. Не знаю кто это сделал, русские или нет, но вокруг всей деревни был огонь, горели поля, вокруг всё сгорело. Люди даже не успели убрать пшеницу, не смогли заготовить сено для скотины. Был трудный период. Но в то время была небольшая помощь как со стороны неправительственных организаций, так и со стороны правительства. И мы как-то продержались.

Цена конфликта, которую мы заплатили? В первую очередь, моральный страх в 90-х годах. Мой супруг осетин. В то время был молодой. Вот, например, мы были в Сачхере. Ехали из Сачхере с детьми и мужем, мой отец сопровождал нас. Там есть такая горная деревня Чератхеви. На перевале поднялись в автобус и спросили, есть ли среди вас осетины. Конечно, никто не сказал, но было чувство страха. Так что больше было моральных потерь, чем материальных... Хотя были и материальные. Ведь с закрытием базара в Эргнети я потеряла мой магазин, уже не могла работать. К тому же мой супруг ездил в Орджоникидзе, подрабатывал, была возможность выехать, а после 2004 года вообще не мог выехать. Материально семье было очень трудно. Кроме того, родственники, закрытые дороги... Конечно. Сейчас сёстры моей свекрови всё время там. Я потеряла ребёнка и они очень хотели приехать. Но в тот период было невозможно. После позволили, что оттуда можно было въехать (*имеет в виду безвизовый въезд из России*). Но тогда это не допускалось. Представьте, у меня умер ребёнок 11 лет. Сестра моей свекрови хотела приехать, плакала, но ничего нельзя было сделать. Вот это тоже очень трудно.

Моя дочь замужем за аджарцем. Наша деревня и так многонациональная. Здесь живут месхетинцы, аджарцы, беженцы из Хеити, осетины, есть и грузины, которые купили дома у осетин. И вот моя дочь попала в семью аджарцев. Мой сын женился на грузинке. Но жизнь и взаимоотношения очень хорошие друг с другом. Никто никому не говорит, что тот осетин, а тот грузин. Это бывает очень редко. Особенно в нашей деревне. Не знаю как в других местах, а у нас этого нет.

Вот мы тоже потеряли участок из-за проволочных заграждений. Трудно все это очень. Сейчас вот провели газ бесплатно. Это очень хорошо. Правда, у деревни нет пока возможности. Приходил из управления представитель на днях, мы пожаловались. Здесь нет воды. Не-

возможно выращивать фрукты. Не можем вырастить ничего такого, чтоб человек прокормился. Потом и население не покинет деревню. Надо чтобы у молодых была бы какая-нибудь перспектива. Здесь нет почти никакой перспективы. Все стараются скопить деньги, купить квартиру в городе и уехать отсюда. У людей есть коровы. Раньше они обычно пасли скотину на пастбищах Цинагари (соседняя осетинская деревня), никто не запрещал. Но после войны 2008-года начались ограничения. А после того как поставили баннеры, теперь совсем нельзя выводить туда скотину... Недавно были представители правительства и сказали, чтобы больше не держали коров, а заводили свиней. Свиней надо постоянно содержать дома на привязи и всё время кормить, а коровы выходили на пастбища и хотя бы определённый период не надо заготавливать для них корм. Пока что ничего не обещают. Правда, сейчас сказали, что вспашут и посеют.

Когда Путин заявил, что будет безвизовый режим, этому мы очень обрадовались, что сможем свободно передвигаться. Это всё, конечно, дело политики, а то что крестьяне могут? Если сегодня встретятся люди из Цинагари и Цителубани, то они обнимутся и поцелуются, никто плохого ничего друг другу не сделает, будут хорошие взаимоотношения. Если от правительства будет закон, что отношения хорошие, то и крестьянам будут хорошо. Крестьяне и сейчас в хороших отношениях.

Хорошо было бы, чтобы открылся такой базар, как был в Эргнети. Это, я думаю, надо в первую очередь. В 2008 году осетины не так пострадали, как 90-х годах (*имеется в виду проживающие здесь осетины*). Но всё равно состоялось примирение, всё-таки забыли прежние обиды. И сейчас забудут, конечно, потихоньку, на это нужно время. Поэтому, я думаю, что надо открыть что-то, подобное Эргнети. Но всё равно думаю, что произойдёт согласие. Потому что сейчас здесь живут и те беженцы, которых выселили оттуда. Там и грузины, и осетины, друг другу не мешают. И если будет поддержка со стороны правительства, то и люди помирятся.

В Цинагара все знают друг друга и сейчас звоним, видимся друг с другом. Знаем, как хорошо встречаться. Тем более, что у некоторых там братья и сёстры. Сейчас боятся, а так все хотят перейти сюда. Из Цинагара всё время ходили в мой магазин, а сейчас боятся. А так говорят, что с удовольствием бы перешли и опять были бы с вами взаимоотношения.